

Юрий Мартыненко

СТОЯНКА ПОЕЗДА — ДВАДЦАТЬ МИНУТ

роман

Юрий Мартыненко Стоянка поезда – двадцать минут. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41609275

ISBN 9785449643438

Аннотация

Главный герой романа «Стоянка поезда – двадцать минут» – ветеран Великой Отечественной войны. Воевал в артиллерии. Получив тяжёлое ранение в Сталинградской битве, возвращается домой к мирной жизни в Сибири. Описываемые события происходят в переломное для нашей страны время – в конце восьмидесятых – начале девяностых годов прошлого века. Автор даёт возможность читателям поразмышлять вместе с героями книги над вопросами, которые ставят перед человеком реалии нашей жизни.

Стоянка поезда – двадцать минут Роман

Юрий Мартыненко

© Юрий Мартыненко, 2019

ISBN 978-5-4496-4343-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Конец 1940 года.

Управляющий одной из фабрик немецкой компании Hugo Boss по выпуску военной формы для вермахта господин Ройзен Рейнер пребывал в возбуждённом состоянии духа. Квартальный заказ в наступающем году увеличен по сравнению с аналогичным периодом почти вдвое. Кроме того, заказ предусматривал пошив верхнего зимнего обмундирования, а это означало увеличение оплаты произведённого товара и получение высокой прибыли. Люди смогут больше заработать, а руководству фабрики при наличии дополнительных денег представится возможность хотя бы частично провести

модернизацию изношенных поточных линий.

В морском порту второй день продолжается разгрузка тюков шерстяных тканей, мехов и кожи. В перечне зимнего обмундирования шинели с меховыми воротниками, утеплённые куртки, головные уборы, перчатки-рукавицы с ячейками для большого и указательного пальцев.

«Выдержат ли машины?» – размышлял Ройзен Рейнер. О людях вопрос не стоял. При необходимости можно перевести режим работы фабрики с двухсменного на трёхсменный график. В Германии покончено с безработицей, и теперь нет возможности набора дополнительных кадров для обслуживания станков. Это было единственной досадой в этот благостный, слегка посеребрённый свежим снежком, тихий преддрождественский вечер за широкими окнами загородного дома.

На следующее утро в своём служебном кабинете, внимательно вчитываясь в текст документа, доставленного фельдъегерской службой, господин Рейнер вдруг чётко представил, словно сквозь напечатанные на машинке строки, серые солдатские шеренги. Вспомнилась документальная хроника, которую неизменно крутили в кинотеатрах перед началом сеанса. Стройные ряды, образующие квадраты или, по-военному, так называемые строевые расчётные коробки, жёстко впечатывая шаг в брусчатку, маршировали на парадах, ставших в последние годы столь частыми в нацистской Германии.

Ройзену Рейнеру со всей очевидностью подумалось о том, что, вероятно, грядёт большая зимняя кампания. Но где? При этой мысли он машинально повернул голову к двери. Об этом страшно думать, но Рейнер продолжал размышлять о том, куда пойдут солдаты вермахта, одетые в его зимнюю военную форму? Когда пойдут – с этим ясно – ближе к холодам. Но куда? Неужели на восток, на советскую Россию?.. А куда же ещё? Европа практически захвачена, за исключением стран, имеющих нейтралитет, типа всегда мирной Швейцарии, к счастью, не познавшей всех ужасов военных действий на своей территории. Зимнее военное обмундирование и Россия – предметы весьма сопоставимые. К сожалению, обо всех этих предположениях оставалось только размышлять. И не с кем поделиться своими мыслями. Это могло обернуться подвалами гестапо.

Уделом Ройзена Рейнера продолжал оставаться превосходно отлаженный за годы бизнес в надёжной, отлично зарекомендовавшей себя в Германии, компании Hugo Boss. Комфортной личной территорией был большой загородный дом в местечке Транссенттрасси. Он окружён вековыми рощами вечнозелёных пихт. При закате солнца деревья принимали голубоватый цвет. А приусадебный двор в летние месяцы благоухал роскошными цветочными насаждениями на искусно обустроенных ромбообразных клумбах. Как любил выражаться сам хозяин дома, для полного счастья не хватало только кипарисов или банановых пальм на берегу лазур-

ного моря, мечта о котором продолжала оставаться его слабостью ещё с юности, со времён пасмурного, грязного, вечно задымлённого Гамбурга.

Родители жили в городском квартале Шварценфиртель, где в основном селились вдовы моряков и докеров. На каждом домике возле окна закреплено зеркало. Таким образом, любопытные вдовушки могли из своих комнат видеть – кто идёт по улице и к кому в гости заходит. Мальчишка часто выходил на продуваемый холодным морским ветром портовый причал. Выше него теснились угольные и портовые склады, бесчисленные пакгаузы. А дальше особняком возвышалось здание американской почтово-судоходной компании. Хрипло кричали, отдавая друг другу команды, зло ругались, если что-то шло не так, всегда мрачные, забывшие улыбку, усталые докеры с почерневшими от солёных ветров лицами. Осень. Свинцовое – низкое и промозглое – небо в порту протыкали стрелы громадных кранов – металлических монстров-исполинов. Они медлительно опускали разноцветные контейнеры в прожорливые трюмы грузовых судов. Пароходы разгружались и загружались неделями. Огромную территорию порта и город связывали построенный в 1911 году тоннель под Эльбой и регулярные паромные рейсы. Готовясь отдать швартовы, пароходы протяжно трубно ревели, будто прощаясь со склизким от вечно морозящего холодного дождя гамбургским берегом.

Маленький Ройзен красочно рисовал в своём детском во-

ображении залитый ярким солнцем остров с белым песком и зелёными пальмами у края лагуны с зеленоватой, прозрачной до самого дна, тёплой водой. Иногда эту воду вспарывали акулы плавники...

В родном городе Ройзен сделал первые шаги в бизнесе, став совладельцем крохотной пошивочной мастерской по выпуску вельветовых курток и суконных брюк на праздничный выход или просто выходной день для местных моряков и докеров. Затем переехал в Берлин. Родители ушли в мир иной, но в Гамбурге оставались сестра Эльза Беккер с племянником Генрихом. Они приезжали погостить к дяде Ройзену, который в 30-е годы достаточно высоко поднялся по карьерной лестнице. Маленький Генрих бегал по гостиной, отодвигая и заглядывая за тяжелые портьеры. Они крупными складками свисали вдоль стен сверху до паркетного пола. Мальчику казалось, что за каждой из них притаился воин в железных доспехах. О тевтонских рыцарях он знал из книг в домашней библиотеке дядюшки. Кроме того, такой грозный рыцарь с длинным мечом в руке и в шлеме с закрытым забралом был изображён на одной из картин в библиотеке.

Печи загородного дома хорошенько протоплены, и заслонки в трубах закрыты. Истопник удалился к себе отдыхать. Благодатное тепло растеклось по всем помещениям и только в гостиной мерцают огоньки не прогоревших до конца угольков. Время от времени раздавался громкий

бой настенных часов. Его мощный циферблат отделан бронзой, а стрелки были покрыты зеленоватым фосфором. Если смотреть с улицы на соседние дома, то большинство окон темны. Свет отключён жильцами в целях экономии электроэнергии. Правда, не по всему дому, а только в тех комнатах и коридорах, где он был без надобности. Двойная польза для рачительных немцев. Экономия во благо семейного бюджета и во благо государства. Подобная позиция граждан, несомненно, вызывает уважение и даёт наглядный пример того, как люди соотносят свои действия в соответствии с интересами своей родины. Причём неважно, к какому государству, с каким режимом относится эта родина. Как известно, родителей и родину не выбирают.

Сидя в мягком, отделанном под леопарда, кресле, Рейнер смотрел в камин. Гаснущее мерцание прогорающих угольков навело на возможные последствия, судя по всему, планируемой германским руководством военной кампании. Министр пропаганды доктор Геббельс в своих выступлениях по радио постоянно напоминал о том, что великой немецкой нации угрожает вождь Советского Союза Сталин. Необходимо опередить большевистского диктатора, иначе на тевтонские земли придёт большая беда, над германским народом нависнет угроза тотального порабощения. Лёд в бокале с виски почти растаял, но оно казалось не таким холодным, как хотелось бы иметь по вкусу. Но идти за свежей порцией льда к холодильной камере не было ни малейшего жела-

ния, и Рейнер поставил бокал на низенький дубовый столик у кресла.

Он не ожидал, что Рождество придётся встречать с испорченным настроением. Причиной тому стала отмена без всяких объяснений долгосрочного заказа на пошив верхнего зимнего обмундирования. К воротам фабрики с проезжей части, мощённой камнем, улицы вытянулась вереница зелёных грузовиков. Ещё вчера завезённые и аккуратно уложенные на стеллажи складских помещений запечатанные рулоны шерстяных тканей, сукна, мехов и кожи сегодня спокойно и без суеты забирались, выносились и грузились рослыми солдатами в кузова машин. Фыркая выхлопными газами, они одна за другой отъезжали от фабричных ворот, увозя добротный пошивочный материал. Правда, телячья кожа для наплечных ранцев, которая использовалась в Первую мировую войну, была заменена на более дешёвый материал – изобретённую в 1937 году кирзу – плотный брезент с внутренним утеплителем. Позже в целях экономии производители перешли просто на брезент.

Глядя из окна кабинета с третьего этажа вниз на перевозочный процесс, Рейнер вынул из бокового кармана пиджака накрахмаленный носовой платок, тщательно вытер вдруг взмокший то ли от нервного напряжения, то ли от кабинетной духоты лоб. Стояла тишина. Не слышно разговоров за дубовой дверью в коридор.

На письменном столе резко зазвонил телефон. Рейнер

вздрагнул.

– Да! Всё забрали. Увозят. В какой-то степени, даже лучше. В таком количестве. А вдруг поточит моль? Тем более, шерсть. Куда увозят? Вероятно, на свои армейские склады? Понятно. Продолжаем работать. По графику. По прежним заказам. Да. Выполним. В срок! – почти по-военному доложив руководителю одного из отделов управления компании Hugo Boss о ситуации с большим объёмом пошивочных материалов, Рейнер положил чёрную трубку на блестящие рычажки телефона и, выдохнув полной грудью, опустился на скрипнувший стул. За его рабочим столом всегда стоял деревянный стул с полукруглым дерматиновым сидением. В отличие от большинства своих коллег, предпочитающих сидеть на нечто мягком, вроде кресла, он считал, что именно обыкновенный деревянный стул плодотворно способствует рабочему процессу, более сосредотачивает внимание сидельца на возникающих вопросах, помогая принимать наиболее оптимальные решения.

...Сэкономленные от свёртывания программы по зимнему вещевому обеспечению частей вермахта денежные средства были направлены на производство дополнительных объёмов синтетического горючего для танковых и механизированных частей. Из тридцати четырёх видов сырья, без которых не может нормально жить и развиваться любая нация, Германия в достаточном количестве обладала только двумя: поташом и каменным углем. В остальном она полно-

стью зависела от химической промышленности и поставки иностранных друзей.

* * *

Даже непонимающий в военных делах и далёкий от политики гамбургский портной Левон Янсель внимательно следил по газетам за происходящими в мире событиями. Если сказать, что вызывали тревогу начатые в сентябре боевые действия Германии в Европе, её вторжение в Польшу, значит, ничего не сказать. Внук Гельмут достиг возраста новобранца. Не сегодня-завтра с призывного участка приедет на велосипеде курьер и настойчиво будет звонить в дверь, чтобы вручить повестку. Не ожидая, пока откроют дверь, курьер с какой-то нервозностью будет продолжать давить на кнопку. Об этом Янсель знал от своих знакомых, родственники которых уже имели честь получить повестку на службу в армии.

Гельмут с раннего детства часто болел. Слово самой природой ему были противопоказаны любые переохлаждения. До поздней весны бабушка с дедушкой строго следили, чтобы тот не забывал наматывать толстый шерстяной шарф, который связал сам Янсель, когда внуку было пять или шесть лет. То же самое было с вязаными носками. В то время, как ровесники рассекали по улице на самокатах, сверкая голыми коленками в шортах с гольфами, мальчик, завидуя ребятам, носил брюки на широких лямках.

Мысленно старый Янсель надеялся на удачный исход при-

зывной кампании для внука. Он полагал, что врачебно-медицинская комиссия забракует парня по состоянию здоровья. Судя по кинохроникам, в вермахте хватает здоровых, крепких солдат и без него. Внук, рано оставшийся без родителей, которых одного за другим скосила в могилу чехотка, остался единственной отрадой для старого Янселя и такой же давно не молодой, но горячо любимой им Луизы.

– Левон, почему так поздно ложишься? Тебе не надо завтра вставать так рано?

– Увы, дорогая, завтра я посмею себе позволить понежиться под одеялом дольше обычного.

– Отчего же такая благодать? – сонным голосом спросила жена мужа. – Что? Стало меньше работы?

– Нет, работы не меньше, но меньше остаётся дней, отпущенных господом человеку. Поэтому, почему бы не позволить себе лишних минут утреннего наслаждения? – Старый Янсель, протянув руку через тёплое тело жены, заботливо подоткнул с её стороны одеяло. Поправляя под головой мягкую подушку, поудобнее улёгся сам. Внук давно спал в своей комнате. Янсель уснуть не мог. Почему-то вспомнился 1914 год. Может быть, это связано с его тревогой о внуке, которому наступила пора армейской службы? Или связано с тем, что в 1914-ом Янселя мобилизовали и отправили на австрийский фронт, оторвав от любимой и нежной Луизы на долгие три года окопной жизни.

У Левона Янселя текла полуеврейская кровь. Об этом ни-

кто не знал, а сам он никогда не вдавался в подробности своей биографии. В голове бродили мысли не о том, что они с Луизой рискуют остаться без куска хлеба, а о том, что солдаты великой Германии больше не пойдут далеко и надолго. Возможно, они больше вообще никуда не пойдут. Иначе, какой смысл в отмене заказа на пошив утеплённых офицерских сапог? Об этом он узнал от своего старинного приятеля – сапожных дел мастера, который, как и Левон Янсель, сохранил небольшую сапожную мастерскую. Надо сказать, мастерская тоже пользовалась определённым авторитетом у заказчиков из числа высокопоставленных лиц в городе.

Сам же Янсель сорок лет, за исключением трёх лет австрийского фронта, не выпускал из рук мелок и клеенчатый портняжный метр. Среди клиентов имелись такие, кто заказывал парадные мундиры из чёрной ткани и платил приличные деньги. Они были довольны работой старого Янсея. Расплачиваясь за выполненный заказ, весело и дружелюбно хлопали мастера по плечу, широко раскрывая увесистое портмоне и вынимая крупные купюры. Одно смущало Янсея. Это наличие в фурнитуре формы эмблемы в виде черепа. Она прикреплялась к околышу фуражки с высокой тульей. Такие фуражки изготавливал шляпочных дел мастер – другой приятель Шмидт. Чистокровный немец. Раз в неделю, в воскресенье, Янсель навещал его, чтобы перекинуться в преферанс, выпить, если на дворе летняя жара, по кружке пива, а если за окном холод и слякоть – по стакану целитель-

ного горячего глинтвейна.

– Смотри, какой великолепный товар я приготовил для господина Кёльгера, – не скрывая удовлетворения, показывал Шмидт старому Янселю чёрную эсэсовскую фуражку. – Вероятно, господин Кёльгер – важная птица, не знаю, он всегда приходит на примерку в штатском. Это мой давний клиент. Щедро платит. Добрейшей души человек. А сколько знает анекдотов! Ты бы слышал, мой друг. Рассмешит и подымет, уверяю тебя, покойника из гроба!

– Кто бы сомневался в качестве? Как всегда, требующая похвалы, достойная работа, – поправляя круглые в металлической оправе очки на морщинистом носу, подтвердил Янсель, предпочитая поскорее обратить внимание приятеля на то, что следует продолжить партию в карты. Иначе скоро стемнеет, и Луиза начнёт, как всегда, беспокоиться. Это в её характере. Будет беспрестанно подходить к окошку и, отдёргнув шторку, безуспешно вглядываться в темноту улицы, почти неосвещаемой около их дома последние три дня. Лопнул фонарь. Обещали починить быстро. Но минуло три дня, а вечерами по-прежнему темно. Странно. Обычно монтеры приходят сразу после поломок на электролинии и устраняют неисправность. А тут целых три дня. Непорядок... А ещё вдруг Луиза, расстроившись долгим отсутствием мужа, хотя прекрасно знает, что он с приятелем мечет колоду карт, играя в свой любимый преферанс, отправит за ним внука. И Гельмуту придётся поздним вечером бить зря ноги, чтобы

напомнить деду, что пора идти домой.

– Особенно хороша тулья. Она словно лебединая шея, – Шмидт с любовью осторожно ощупывал свою работу, как бы ожидая ещё похвалы от Янсея. Но тот пропустил эти слова мимо ушей, на что приятель даже хотел слегка обидеться, но передумал: – Ах, понимаю. Мы немного отошли от темы, – бережно убирая фуражку в шкаф, сказал Шмидт. – Раздавайте, друг мой, ваша очередь, – он с улыбкой протянул колоду.

2

Середина 1990-х годов.

Скорый поезд «Москва-Владивосток» стремительно мчится по Транссибирской магистрали. Пассажирский состав то ныряет в чёрные тоннельные норы, то вновь вырывается на простор сосново-лиственной тайги и серых скалистых сопок.

В плацкартном вагоне начинается утреннее движение пассажиров. Кто, осторожно придерживаясь за вертикальные поручни полка, пробирается с полной кружкой кипятка от титана на своё место. Кто, открыв спальный рундук, неторопливо роется в сумке, вынимая и выкладывая на столик съестные припасы. Мужчина – высокий костлявый дядька в майке и заношенных серых штанах-трико, закатанных до колен, из крайнего купе, торопится в туалет, слегка мор-

щась от головной боли после вечерних посиделок в вагоне-ресторане. В узком коридорчике перед туалетом мужчину пытается опередить дама в длинном цветном халате с комнатной собачкой в руках. Собачке тоже надобно немедленно пи-пи. Она противно так затыкала на мужчину, оскалив тонкие острые клыки. Пришлось уступить место настойчивой даме. Сунув измятую сигарету в зубы, мужчина вышел в прохладный после духоты вагона тамбур. Навстречу вырос долговязый белобрысый парень в бейсболке с длинным козырьком назад и потёртых джинсовых шортах.

– Извиняйт, – посторонился парень, смущённо давая дорогу мужчине. Лязгнула железная дверь.

– Извиняйт, – передразнил парня мужчина, чиркая спичкой о коробок. – Тоже, поди, бухал вчера... Нерусский, что ли?..

Пассажиры просыпались, приводили себя в порядок, пили чай. Запахи еды от купе до купе плыли по вагону.

– Мам, а скоро Байкал, о котором ты вчера говорила? Это озеро, да? Оно глубокое? – с нетерпением спрашивал который раз за утро молодую миловидную женщину мальчик лет семи-восьми.

– Скоро... Озеро... Оно глубокое, – она сворачивала кусочек замасленной от завтрака газеты со столика, собирая крошки. – Сиди. Унесу мусор в ящик и будем смотреть в окошко.

– Успеем до Байкала остограмиться или нет? – с беспо-

койством втихаря рассуждали уныло в соседнем купе два бородатых мужика, когда заправили свои мятые постели.

– Доставай, – предложил один.

Напарник, отодвинув висевшую у изголовья над смятой подушкой брезентовую с капюшоном куртку, вытянул из рундука тугой рюкзак. Развязал. Вынул заткнутую бумажной завёрткой начатую бутылку спирта «Рояль». Следом банку свиной тушёнки.

– Где нож?

– Наливай. Потом откроем.

Напарник булькнул в стаканы, дребезжавшие чайными ложечками в подстаканниках.

– Ложечки вытащи.

– Что?

– Ложечки, говорю, вытащи.

– Ах, да.

– Интересно, в Слюдянке омуль ещё продают? – спросил один второго, когда занюхали кусочком хлеба.

– Так, поезд-то скорый. Не стоит в Слюдянке.

– А-а, точно, – с сожалением подтвердил напарник. – А раньше, при советской власти, стоял... Пассажиры затаривались омулем...

Прошло минут пять. Мужики становились разговорчивей. Мимо прошёл один из пассажиров их вагона – долговязый белобрысый парень с бейсболкой на голове длинным козырьком назад. В руке видеокамера.

– Странный какой-то? – кивнул один второму.

– Иностранец, поди.

– Почему?

– По одежке видно. Да и камера, гляди, какая. У нас такую не купишь.

В соседнем купе продолжал канючить ребенок, поминутно спрашивая: – Ну, мам, когда этот Байкал начнётся?

– Мальчик? До Байкала уже скоро доедем, – заглянул в купе дяденька с бородой. Он исчез на минуту, чтобы порыться в рюкзаке. Опять появился, протянул карамельку чупа-чуп-синку.

– А что надо сказать? – погладила сына по головке мама.

– Спасибо.

– На здоровье! – добродушно рассмеялся дяденька и исчез в своем купе.

Мимо вновь прошёл, уже в обратную сторону, долговязый с видеокамерой. Она так привлекала внимание мальчика, что тот, забыв о Байкале, устремился было за парнем, глядя вслед во все глазёнки на забавную невиданную вещицу.

– Куда? Сядь на место! Стыдно прямо за такого ребенка! – строго осадил сына мать.

– Что? Не слушается? – опять показался дядя с бородой. – Маму надо слушать. Как маму зовут?

– Мама Люда! – выкрикнул мальчик.

– А меня дядя Лёха.

– Эт-то что такое?! – женщина одёрнула ребенка за рукав

рубашки. – Больше со мной никуда не поедешь. Такой большой, а мать совсем не слушаешься. Всё бабушке расскажу.

– Ладно, он больше не будет, – миролюбиво ответил за мальчика дядя Лёха и беззвучно засмеялся. После выпитого спирта на душе стало тепло и благостно. Хотелось общения. С кем-то разговаривать, что-то рассказывать, о чём-то спрашивать. Со своим напарником, видно, обо всём вдоволь наговорились. Позади целый полевой сезон в тайге. Но, видно, с мамой Людой общения не получится. По проходу вновь возвращался парень в бейсболке.

– Слушай, милоч, это что у тебя за такой аппарат? – обратился по-свойски к нему дядя Лёха.

Парень остановился, нагнулся к бородатому, ответил:

– Я вас не совсем понимаю.

– Точняк иностранец, что я тебе говорил?! – возбудился дядя Лёха, толкнув напарника локтём в бок.

По вагону пробежала маленькая, похожая на москью, комнатная собачка.

– А ну, вернись! Кому сказала?! Лиза, вернись! Мы ещё не причесались! – за собачкой прошелестела дама в длинном халате.

Собачка добежала ровно до того купе, в котором ехал знакомый ей мужчина, пропустивший её без очереди в туалет, и опять противно затыкала.

– Ну, теперь-то чего тебе надо от меня? – чуть не взмолился мужчина. – Чаем тебя напоить? Или тоже опохмелить?

– Пойдём! Пойдём, моя хорошая! – догнала собачку дама в халате и подхватила на руки: – Лизонька моя умненькая, – дама поцеловала собачку в мордочку. – Пойдём в своё купе, сейчас расчешемся и я тебя вкусненьким угощу.

– Чтоб вас вместе с собачкой, – тихо проворчал мужчина и засобирался в вагон-ресторан. Пока никто из посторонних не смотрит, мужчина вытащил из-под простыни под подушкой предусмотрительно засунутый туда с вечера бумажник. Раскрыл, стал пересчитывать содержимое, в уме прикидывая финансовую возможность для дальнейших дней следования в пути...

«Так, – размышлял страдалец, торопливо перебирая согнутые вдвое мятые купюры разного достоинства. – Надо растягивать до дома. Только опохмелиться, и всё. Поди, этого хватит», – он решительно отсчитал запланированные на опохмелку купюры и засунул их отдельно в карман спортивной, выдавшей вида мастерки, надетой на майку. Оставшуюся жиденькую пачку снова согнул вдвое и затолкал обратно в бумажник, который убрал в другой, застёгивающийся, карман. Убрав, для надёжности потрогал бумажник, ощущая слегка дрожащими пальцами его твёрдость.

– Чего так дорого? – потирая небритое лицо, спросил мужчина, сидя за столиком в вагон-ресторане.

– А вчера вечером было дёшево? – съязвил на ходу официант. Этим ресторанным работникам палец в рот не клади, всегда найдутся, что ответить. С ними в диалоге не потяга-

ешься – опыт. Тёртые калачи работают в вагоне-ресторане...

– Так дорого, а ни хрена не берёт, – пробурчал недовольно мужик, наливая из графинчика красное вино в рюмку. – Разбодяженное, поди, – сделал он вывод, тыкая вилкой в овощной салатик. Для закуски взял самое дешёвое блюдо и два ломтика хлеба.

Прошло минут пятнадцать. Мужчина начал с любопытством поглядывать в окошко, за которым проносились деревья, чередуясь с открытыми прогалами леса. Мимо проходил официант. Задержался вопросительным взглядом на утреннем клиенте. Тот кивнул на столик.

– Сколько? – понял официант без слов.

– Столько же, – указал пассажир на пустой графинчик.

– Мужчина, спичками не богаты? – наклонилась сбоку крашенная деваха, разминая пальцами сигаретку.

– Спичками мы всегда богаты! – оживился тот и протянул коробок.

– Я подымлю и занесу, – пояснила деваха. – Вижу, вы не торопитесь.

Мужчина было хотел составить компанию и проследовать за нею в тамбур, но официант, вынырнув из-за девахи, поставил на столик наполненный графинчик.

– Не тороплюсь, не тороплюсь, – повторил мужчина, чувствуя, что жить стало лучше, жить стало веселей. Вспомнил, что скоро Байкал.

...Минуло часа полтора. В купе вахтовиков сидели сами

вахтовики, молодой немец, мальчик из соседнего купе, он сосал чупа-чупс, и крашенная деваха. Она пришла в вагон с пассажиром из крайнего купе. Тот прилёг полежать, пообещав, что маленько подремлет, но тут же уснул.

В дежурном купе две проводницы рассуждали:

– Разгулялись вахтовики?

– Ладно, пускай. Вроде, смирные. Сидят себе потихоньку, наливают помаленьку. Не то, что прошлый раз, да?

– Так их тогда полвагона ехало. Сколько по линейным станциям милиция их снимала?

– Вели бы прилично, никто бы не снимал. Нет, надо до порсячьего нажраться.

– Понятное дело. Сколько терпели при горбачёвском законе?

– И ничего. Здоровее были.

– Ну, я бы так не говорила. Сколько загнулось-то? Сколько тормозухи да клею перепили?

– Ох, не говори...

– Лахудра какая-то прицепилась?

– Пришла из ресторана с тем дяденькой из крайнего купе, который со вчерашнего с угара.

– Что делает?

– Кто? Лахудра?

– Нет, тот дяденька.

– Спит. А эта с вахтовиками. Сказала мне, что из восьмого вагона. На минутку сюда забежала.

– Знаем мы эти забеги. Я отдыхать ложусь, ты за ними тут приглядывай.

– Немец ещё этот припарился.

– Как его?

– Вилли. По паспорту зовут Вилли.

– Наливают ему. Не упоили бы.

– Не должны. Немцы много не пьют. Это не наши раздолбаи. Ладно, повнимательней будь. Я на боковую. Перегон большой. Четыре часа без остановок... У титана краник протекает. Как бы кто не ошпарился.

– Я предупреждаю пассажиров, чтобы вентиль сильно не крутили.

Проводницы будто специально для контраста подобраны. Одна полная, низкого роста. Вторая худая и высокая. На полной лифчик вот-вот лопнет под прозрачной белой блузкой. А второй он как бы и без надобности.

– Ты воздуху побольше вдыхай, а потом не дыши и дёргай! – учили вахтовики иностранца пить спирт.

– Дёргать? Что дёргать? И зачем не дышать? – Тот не мог понять, как это – сначала дышать, а потом не дышать?

– Ну, это значит, чтобы, – начал было объяснять Толян, но дядя Лёха перебил:

– Трудно нашеньким это растолковать вашеньким. Лучше смотри, как я делаю, и запоминай, – дядя Лёха плеснул в стакан спирта, поднёс к губам, выдохнул и выплеснул содержимое в рот. – Запомнил?

– Я-я, то есть да-да, – немец не без восхищения смотрел на дядю Лёху.

«Интересный гансик», – подала глазами смазливой парня-иностранца крашенная деваха. Чуть погодя, пригласила покурить в тамбур, но тот отказался, объяснив, что некурящий.

– Спортсмен, значит? – деваха пододвинулась к Вилли, заглядывая тому в глаза.

– Да, немножко вроде того.

– По каким видам?

– Немножко лыжи. Горные лыжи. Слалом. Немножко плавание.

– Плавание – это хорошо, – довольно мотала головой деваха, чувствуя, как кружится голова. Намешала, дурочка, на халяву. Сначала красного вина в вагоне-ресторане с мужиком из крайнего купе, теперь ещё и спирта дёрнула... – А где плаваешь?

– О, бассейн зимой, а летом парк Нойзеенланд. Там классный пляж.

– Какой, какой парк?

– Нойзеенланд.

– Ужас. Язык сломать можно. А у нас в парке только деревья и кусты. У нас в парках не купаются. У нас там, в основном, бухают.

– Что делают?

– Непонятливый ты, Гансик, бухают, значит, пьют. Водку

пьют, – показала она пальцем на стаканы.

– Я не Гансик, я Вилли, – на парня благопрятно подействовал «Рояль». Он начал проявлять интерес к разговорчивым вахтовикам, девахе и мальчику, предложив даже подержать в руках свою видеокамеру, но предостерёг вахтовик дядя Лёха:

– Смотри, уронит и разобьёт. Будет тебе потом и кино, и титры...

А раздобренный дружеским обхождением и чупа-чупсами мальчишка настырно тянул камеру за ремешок:

– Дай поиграть, ты же обещал!

Подоспела из соседнего купе мама Люда и утянула мальчика за руку...

– Пускай бы посидел. Не мешает ведь, – попытался встрять дядя Лёха.

– Ну, прямо, не мешает. Мал он еще для таких посиделок.

– Да и сами бы посидели.

– Спасибо!

Деваха хихикнула. Потом, вдруг сделав серьёзное лицо, тоже засобиралась:

– Ну, ладно, мальчики, пора и честь знать. Пойду я до дому, до хаты.

– А где хата? – любопытствовал второй вахтовик, менее разговорчивый, чем дядя Лёха.

– В восьмом вагоне.

– Ну, уж вы-то не покидайте наше мужское общество, чем

богаты, тем и рады. Посидите с нами. О себе расскажите. Нам интересно, – заговаривали гостью вахтовики.

– Так уж больно интересно? Сами-то откуда и куда?

– Домой возвращаемся с вахты. Золотари мы.

– Кто? Золотари? – деваха вдруг громко расхохоталась.

– Что смешного? – не поняли мужики.

– Да, у нас так называют тех, кто, пардон, – она глянула на Вилли, – уборные на улице чистят, то есть, туалеты, – деваха конкретно объяснила значение окончания фразы немцу.

– А-а, – миролюбиво протянули почти в голос вахтовики, – ну, так для нас это не новость. Мы золото моем на приiske.

– Прилично хоть платят? – поинтересовалась деваха.

– Жёны не обидятся, – не без гордости признался Толян.

– Всё, что зарабатываем, сразу переводим по почте домой, – вдруг уточнил дядя Лёха, кинув взгляд на Толяна.

– Ждут вас женщины-то ваши?

– А как же, конечно, ждут.

– Любят, значит?

– А как же, конечно, ждут.

– Значит, теперь домой?

– Домой.

– На отдых?

– Ага.

– Надолго?

– Месяца на два.

– А потом?

– Опять на полгода.

– Спиртиком сильно не увлекайтесь, – неожиданно сказала деваха, как-то доверительно, словно проникнувшись к мужчинам-работягам, которые не бьют баклуши дома, а едут за тридевять земель заработать на хлеб. И сказано это было незнакомой девушкой незнакомым людям с какой-то потаённой чисто бабской, что ли завистью...

– Да мы по с устатку. Кирзуху желудочную, так сказать, размягчить. Вы посидите. Мы так устали без женского общества.

– Ну, хорошо, – согласилась деваха. – Ещё посидим, – она пододвинулась поближе к «гансику».

– Кстати, кстати, кстати, у меня есть тост. Давайте выпьем за священное море Байкал, потому что оно имеет прямое отношение к нашей работе.

– Почему? – удивилась деваха. С любопытством слушал и Вилли.

– А кто не знает слова из песни? – дядя Лёха затянул: – По диким степям Забайкалья, где золото моют в горах... Бродяга, судьбу проклиная, тащился с сумой на плечах...

В купе появилась худая проводница. Укоризненно покачала головой:

– Вам тут что? Хор Пятницкого? Вы что, одни тут едете? Целый вагон для вас слушателей?

– Всё-всё-всё, мать, больше не будем, – взмолился дядя Лёха.

– Кончайте тут свой базар, а то на следующей станции милиция линейная...

– Намёк поняли, всё, закругляемся, – заверил Толян.

– И товарища-иностранца тут мне не спаивайте! Вам, девушка, не пора уже к себе возвращаться, в восьмой вагон?

– А я чего? Щас чаю попьём с ребятами. Хорошие ребята, они золото моют в горах.

– То-то и оно, видно, что с гор спустились, одичали там, теперь догоняются, – беззлобно поглядела на вахтовиков проводница. – Ладно, сколько вам чаю?

– На всех, девушка.

– То мать, то девушка. Вы уже определитесь, – проводница белозубо улыбнулась, видно, растаяв душой при слове девушка.

3

Поезд резко замедлил ход, въезжая на станционные пути узловой железнодорожной станции. Здесь сменялись электровозы и локомотивные бригады. Погода пасмурная. Ночью моросил дождь. Всё неприглядно и хмуро, и даже вокзал, в хорошую погоду, приветливо глядевший на проходящие поезда, теперь тоже выглядел хмуро...

Глухо стукнула железная дверь. Полная в теле проводни-

ца, обтянутая тесной синей юбкой и такой же тесной голубой рубашкой, начала протирать тряпочкой мокрые поручни. Пассажиры потянулись на выход подышать после духоты ночного вагона свежим озоном.

Молодой немец, глубоко зевая и превозмогая страшную головную боль, вышел в тамбур последним. В воспалённом сознании смутные обрывки вчерашнего вечера. По-русски хлебосольные вахтовики Лёха и Толян, крашенная потная деваха. Губы липкие и прокуренные. Кажется, что вкус табака до сих пор ощущается. Вилли который раз вынимал носовой платок и тщательно обтирал свой рот. Вспомнились потные груди в туалете восьмого вагона. Стоп! Это уже перебор. Кажется, ничего не было. Или было? Нет, точно, не было. А что было? Были женские возмущённые голоса снаружи за запертой дверью. Потом полный провал в памяти. Пробуждение на своей смятой постели в купе. Сухое горло, шершавый язык и ужас от мысли: где видеочамера, потому что, ещё будучи в купе в гостях у вахтовиков, вредный мальчишка дёргал за ремешок и плаксиво канючил дать поиграть, пока его не увела в своё купе мама Люда... К счастью, камера лежала на сумке в рундуке постельного места...

Вилли не спешит. Здесь не Байкал, однако, по привычке, почти профессиональной, на ремешке через плечо висела камера. Взявшись за холодные поручни, он высунул вихрастую голову. Глянул вправо, влево. Напротив вагона две замызганные мокрые собачонки злобно делили брошенный

людьми объедок. Снимать на камеру тут, конечно, нечего. Какая-то очередная «дыра». Так отозвался об этой станции один из русских пассажиров в соседнем купе, оставляя под подушкой свою «мыльницу». Ею он наснимал вчера много кадров о «священном море». Больше, надо понимать, никаких достопримечательностей не ожидается.

– А сколько будем стоять? – спросила одна тётка-пассажирка другую.

– Объявили, что стоянка двадцать минут.

– Ещё успеете затариться! Свежак! – счастливо улыбаясь, успокоил их высокий костлявый дядька в майке и заношенном, закатанном до колен, трико. В тапочках на босу ногу он спешил, тяжело дыша с похмелья, к своему вагону. Обеими руками почти с нежностью прижимал к себе матерчатую сумку, доверху заполненную жестяными баночками с пивом.

Ступив на кованые ступени подножки, Вилли спрыгнул на перрон. Ступил в сторону, угодив в склизкую мазутную лужицу. Откуда она здесь взялась?..

...Пожилой мужчина, примостившись на бетонном выступе у основания металлического ограждения, рассматривал немногочисленных пассажиров. Видимо, многие в поезде ещё смотрели утренние сны, да и погода не располагала. Гляди, и снова заморосит. На фанерном ящичке, который он оставлял на хранение в дежурном отделении линейной милиции, разложены овощи с огорода. Никто не подходит. Точнее, некому. Наверное, в поезде проснулись только самые

страждующие пассажиры.. Тянется очередь у киоска. Страну захлестнул пивной бум. После великой засухи россияне ненасытно утоляют жажду. Теперь наступила мода на диковинные для русского человека чипсы и фисташки. Варёная картошка и свежие огурцы под пиво не годятся.

Вилли медленно двигался вдоль вагона, стараясь не смотреть в сторону киоска. Там бойко шла оживлённая распродажа. Будто напоминая о себе, тянула ремешком плечо видеокамера. тяжестью увесистая камера. Надо что-нибудь снять.

Крупный план – здание вокзала с названием сибирской станции. Дальний план – перрон с разноцветными фигурками пассажиров. Вагоны с надписью «Москва-Владивосток». Невдалеке железнодорожный виадук. Снять бы с его высоты общим планом, да времени до отправления совсем мало остаётся. Если бы пораньше выйти и сразу подняться по ступенькам на виадук. А теперь не успеть. Жаль.

В объектив попался старик. Он продаёт что-то. Вилли взял крупным планом. В бумажных, из газет, кульках отварной картофель, рядом горкой наложены огурцы, пучки зелёного лука. На лацкане пиджака выцветшие наградные колодки. На голове тёплая кепка.

«Вот уж кому делать нечего с утра пораньше. Глянь-ка, кино снимает. И за пивом не торопится. И одет не по-русски. Короткие штаны, рубашка вся в карманчиках. Длинный козырёк. Какой-то иностранец, но точно, это не русский», – подумал пожилой мужчина, увидев странного молодого че-

ловека с голыми до колен ногами. Подошла знакомая проводница и за нею подтянулись две женщины-пассажирки.

– Здрассти, дед!

– Доброе утро!

– Картошечки возьму, огурцов и луку. Напарница проснётся, хоть позавтракаем по-человечески домашним.

Рассчитавшись, проводница медленно направилась к своему вагону, старательно обходя лужи.

Две женщины-пассажирки взялись торговаться, недовольные, по их мнению, ценами. Особенно на лук, который «сам по себе растёт на грядке», за ним не надо такого ухода, как за картошкой и огурцами. Не надо сажать, полоть, окучивать и копать.

– Ну, тогда берите лук так, – ответил им Василий, в душе опасаясь, что покупательницы из вредности не купят ничего, а до следующего пассажирского поезда придётся ещё полдня ждать.

– Нам даром не надо, – недовольно буркнула одна из них.

На перроне раздался визг. Собачонка из вагона кинулась, наверное, с переполненной в собачьей душе радостью к двум местным четвероногим бродяжкам. А за нею поспешила и дама в шуршащем халате, которая, проснувшись, сообразила, что Лизоньку срочно надо хорошенько выгулять, пользуясь большой стоянкой.

– Куда? А ну назад! Не приближайся к ним, они тебя разят!

Местные бродяжки радость соплеменницы-пассажирки поняли по-своему и дружно атаковали чужачку громким тьявканьем, оскалив засаленные неухоженные мордочки, отчаянно защищая свой халявный завтрак.

Дама, запыхавшись, поймала непослушную беглянку. Прижав её к груди, принялась ругать четвероногих хозяек грязного перрона:

– А ну, пошли вон, пока я вас не потоптала! Развели тут, понимаете, целую псарню! Приличным людям шагу не ступить! И животным приличным тоже! – Последние фразы, видимо, прозвучали в адрес местного железнодорожного начальства, поскольку дама с откровенным недружелюбием посмотрела на серое обшарпанное здание вокзала.

К Василию подошёл дежурный милиционер. С интересом оглянулся на возмущённую дамочку, покрутил пальцем у виска и спросил:

– Дядь Вась, огурчик одолжи?

– Бери, какой понравится. Опять карамельками закусываете?

– Не говори, – согласился милиционер, выбирая огурчик. – Когда ящик занесёшь, с нами дёрнешь? Мы оставим.

– Да нет, спасибо, – отказался Василий. – Не оставляйте.

Возьми и лучку.

– Как тётъ Ань?

– Прихворнула маленько.

– Бывает... Ладно, дядь Вась, пацаны ждут, – милицио-

нер направился в сторону «дежурки». – У деда свежая картошка и зелень, помогите расторговаться! – на ходу громко обратился он по-свойски к пассажирам, спешащим с пивом от заветного киоска к своим вагонам.

И, действительно, многие поняли, что одним пивом да фисташками сыт не будешь. Так что в оставшиеся минуты до отправления поезда все припасы у Василия мигом раскупили.

– Сдачи, дед, не надо, – отмахивались мужики, глядя на орденские колодки, – убери свою мелочь!

«Внимание!!! С первого пути отправляется скорый поезд „Москва-Владивосток“! Будьте осторожны!» – известил пассажиров громкоговорящий металлический голос из динамика вокзала.

– Хлебнёшь? – мужчина, который вчера вернулся из вагона-ресторана с крашеной девахой, оторвал ото рта баночку с пивом, протёр дырку ладонью и протянул Вилли, когда все вошли в вагон и мимо окошек медленно поплыли станционные постройки. – Видел тебя вчера. Подругу-то где потерял?

– Какую подругу?

– Ладно, проехали. Шарабан-то болит?

– Это как?

– Опохмелись, полегчает.

– Спасибо! У нас не принято опохмеляться. Мне бы кофе...

– Ну, как знаешь, – мужчина поднёс баночку к своим гу-

бам и жадно сделал два глотка. – Чашечку кофе, ванну, – пробормотал он и направился в своё купе.

Вилли медленно приходил в себя, но голова раскалывалась. Рядом оказался дядя Лёха. Отвернув край матраса, присел сбоку. Участливо посмотрел на парня, спросил:

– Что? Худо?

Вилли мотнул головой и стал нашаривать взади себя на сетчатой полочке аккуратно сложенное вафельное полотенце, намереваясь сходить в туалет и смочить лицо холодной водой.

– Не то слово? – добавил к предыдущему вопросу дядя Лёха. – Может, примешь капель пять?

Вилли отрицательно покачал головой из стороны в сторону.

– Ну, ты смотри. Если что, мы на месте, – дядя Лёха встал, расправил угол постели, ещё раз глянул на парня. – Надумаешь, подходи...

– Гитлер капут? – спросил Толян.

– Вроде того, но ещё не капитуляция...

– Значит, жить будет. Слабоватая нация.

– Наливай.

– Может, пивка для начала?

– Северное сияние хочешь? Пивко оставим на потом. Кто знает, где ещё придется затариться.

– Скоро Амурская область. В Архаре пивзавод нехилый. Стопудово подкатят пивко свежее к поезду.

– Во-первых, до Архары еще нескоро. Во-вторых, не факт, что пивзавод твой там ещё работает. Всё кругом развалили. Целую страну кончили. Кстати, когда на вахту ехали, что-то я в Архаре, большая же станция, пива не видел?

– Так, ночью же проезжали?

– Точно ночью.

– А откуда про пивзавод знаешь?

– Приходилось раньше, после армии, гостить в Архаре у родни. Тётки там мои жили. Пиво разливное было классное.

– Ну, вспомнил, когда это было. Я так, Толян, понимаю, рынок наш российский теперь одним импортом завален. Вот, смотри, баночка наша? Не наша. Баварское пиво. Кстати, надо бы предложить немцу-то? Сродни ему этот напиток.

– Ему уже предлагали, отказался.

– Кто?

– Чудак, который вчера из ресторана чувиху привёл в наш вагон.

– А-а.

– Привёл, а сам храпака задал. Чудак, говорю же.

– В общем, прорвало этот импорт, – раскладывая купленные на перроне овощи, продолжал свою тему, будто его заклинило, дядя Лёха.

– И тебя, Лёха, прорвало. Вроде, с похмелья, а такой словесный понос, – Толян потряс полупустой бутылкой «Роя-

ля».

– Наливай. Помаленьку только, – дядя Лёха при виде спирта закашлялся.

Толян, морщась, плеснул в стаканы со словами: – Закусь знатная. Такую зелень люблю с превеликим аппетитом. Кажись, перебрали вчера. Баба ещё эта.

– Вроде, ничего из себя.

– Разве что в голодный год...

– Видел, Толян, какая жизнь пошла? Фронтовик продаёт овощи, – хрустнув огурцом, сказал, как бы между прочим, но обращаясь к товарищу, дядя Лёха.

– И что? Значит, урожай хороший.

– Я не про то.

– А про что? – прожёвывая хлеб с зелёным лучком, удивился Толян.

– От хорошей жизни, что ли? В Германии ветераны тоже на перроне торгуют, чтобы к пенсии приварок был?

– А ты иди и спроси у этого немца молодого.

– Оно мне надо? В дебри лезть? Ещё политики не хватало...

– Тогда не базарь.

– Давай ещё по капельке?

– Давай.

– Мальчики, чаю не желаете? – заглянула в купе полная проводница.

– Желаем. И даже с превеликим аппетитом.

– Кто бы сомневался.

– Нам нравится ход ваших мыслей, – почему-то сумничал Толян.

– Покрепче? – уточнила она.

– Три в одном, то есть, два пакетика и сахар, – опять сумничал Толян.

– Вот это понимаю, – подмигнув товарищу, когда проводница ушла за чаем, дядя Лёха изобразил руками что-то округлое перед собой, чуть не смахнув свой стакан.

– Да уж, – облизнув губы, согласился Толян, макая огрызок огурца в соль, насыпанную на бумажку.

* * *

– Ну что, дядь Вась, всё распродал?

– Распродал, – махнул тот рукой, убирая в уголок пустой фанерный ящик, который он всегда оставлял в «дежурке». – Надо ближе к обеду выносить продукты к поездам, но сегодня хотел с утречка. Удачно и попутка попалась. После обеда дома другие дела.

– Может, хлопнешь?

– Нет. Домой пора. Как раз автобус скоро.

– Тоже сейчас смену сдавать и по домам. А чаю стакан?

– Чаю можно, – глянув на именные часы, что вручали нынешней весной фронтовикам в связи с 50-летием Победы, согласился Василий.

Компания из трёх милиционеров – дежурная смена – потеснилась за маленьким облезлым деревянным столиком,

который притулился в соседней крохотной комнатёнке «для приёма пищи».

Резко зазвонил телефон на пульте дежурного.

– Тс-с! – старший смены – лейтенант – взял трубку. Остальные – прапорщик и младший сержант – примолкли, пока тот докладывал начальству что-то по ситуации в прошедшую ночную смену. На старенькой электроплитке закипел чайник. Один из милиционеров выдернул из розетки перемотанную синей изоляцией вилку.

– Дядь Вась, сахару нет. Вот конфетки, хлеб.

– Спасибо, ребята.

К столу от дежурного пульта вернулся лейтенант.

– Ориентировка поступила. Поездная кража. Надо передать по смене.

Со стороны обезьянника, который размерами метра полтора на полтора, раздался стук по железной решётке.

– Достал бузить! – не успев присесть за стол, крикнул недовольно лейтенант. – Что? Опять приспичило?

– Нет! – раздался из обезьянника хриплый голос. – Мужики, будьте людьми! Трубы горят!

– И что?

– Плесните глоток!

– Ты что там? Совсем оборзел?!

– Мужики!.. Поимейте жалость! Сами, что ли в таком состоянии не бываете?

– Совсем рамсы попутал?! – возмутились милиционеры.

Из обезьянника в коридорчике повторился стук, громко и настойчиво.

– Мужики! Помру, на вас тяжкий грех останется! – хрипло ругался задержанный. – Я же вас вчера спонсировал!! Причём со всей щедростью!! Имейте совесть!

– Ну, однако, совсем достал! – беззлобно выругался прапорщик и предложил, обращаясь к лейтенанту:

– Сергееич, может, плеснуть ему? Всё равно отпускать будем, пока смену не сдали.

– Цедни ему полстакана и пускай катится, – поморщился лейтенант.

4

Середина 1990 годов.

Германский город. Улицы. Кварталы. Большая квартира. Пожилой седой человек, сидя, в кожаном кресле, смотрит телевизор. Выпуск новостей на российскую тематику. В них опять сплошной негатив. Взрыв метана в шахте, сход вагонов грузового поезда на железной дороге, убийство крупного бизнесмена. Старый немец ощутил волнение. Племянник путешествует по России. На поезде дальнего следования он заехал в самую Сибирь. Сейчас находится за озером Байкал. Зазвонил телефон. Генрих взял трубку. Кто-то из знакомых тоже только что посмотрел по телевизору «русскую картинку» и теперь по-дружески укорял старого друга, что тот

неосмотрительно отпустил племянника в поездку по непредсказуемой разными печальными событиями России. Тем более, что довольно беспокойная ситуация имеет место на Северном Кавказе. Генрих кивнул и положил трубку. Задумался, теребя пальцами седой висок. Он и сам прекрасно владеет информацией о том, что происходит сейчас в России. В какой-то степени успокаивало то, что где находится Северный Кавказ, а где Сибирь?.. Между ними расстояние в тысячи километров...

Сибирь... Благо, племянник вернётся до наступления холодов. Сибирь... Послевоенная мирная Сибирь. Лагерь военнопленных. Но о нём лучше не вспоминать. От воспоминаний начинает ныть правая нога. Почему правая? Всегда при подобных воспоминаниях непременно болит правая нога. В районе ступни. Какое чудо, что она осталась цела! Спасибо русскому врачу всё в том же лагере военнопленных в Сибири. Но обморожение ног он получил ещё под Сталинградом.

Немцы признавали советскую форму простой, практичной и удобной. При 30-градусном морозе лучше оказаться в телогрейке, чем в пиджачке от Hugo Boss. Одежда вермахта удобна и практична для Европы, но только не для России. Одной из ошибок немцы считали подгонку сапог к ноге – это дало преимущество при маршах летом и кучей отмороженных пальцев зимой 1941—1942 годов. Широкие раструбы сапог – удобно летом, но попробуйте походить в них

по глубокому снегу.

Что в советском обмундировании шокировало немцев? Экипированные под стать погодным условиям бойцы Красной армии лучше переносили тяготы первой военной зимы, подорвавшей боевой дух нацистов. Производившаяся в швейных мастерских модного дизайнера одежды Hugo Bossa военная форма нацистов была изготовлена из качественного сукна с использованием более сложного покроя, нежели обмундирование советских солдат, которое вызывало смех противника ровно до наступления первых серьёзных русских морозов. Недоумение немецких военнослужащих, в 1941 году переступивших границы СССР, вызвало весьма разношёрстное обмундирование советских солдат в рамках одного и того же рода войск. Зачастую на бойцах была форма, сшитая по неодинаковым выкройкам и из разных материалов, к тому же дополненная вещами из гражданского гардероба. Такая несвойственная для армии пестрота объяснялась спонтанным вторжением фашистов, в руках которых в результате неблагоприятного начала боевых действий оказались военные резервы вещевого имущества, сконцентрированные в приграничных районах. Неразбериха с экипировкой продолжалась до середины 1942 года, когда лёгкая промышленность наконец-то смогла наладить производство летних и зимних комплектов обмундирования для личного состава Красной Армии в условиях многомиллионной всеобщей мобилизации. Хорошо проявившая себя на полях сра-

жения западного фронта шинель, оказалась бессильной против арктических, на взгляд немцев, морозов, которые охватили территорию СССР зимой 1941—1942 годов. В своих воспоминаниях об этих страшных днях обер-лейтенант одной из пехотной дивизии Маурер писал: «Я был просто взбешён. У нас не было ни рукавиц, ни зимних сапог, ни достаточно тёплой верхней одежды – ничего, что могло бы хоть как-то спасти от этого холода и позволило бы нам сражаться с врагом». С завистью смотря на советских солдат, немцы тоже желали стать хозяевами меховых рукавиц, ватной куртки и штанов, которые реально защищали тело от холода и не стесняли движений при атаках и разведке. Всего за период Великой Отечественной войны заводами страны были выпущены десятки миллионов ватников, гревших рядовых и сержантов в окопах на линии фронта. Фашистам за неимением подобного обмундирования приходилось приспосабливаться к местным климатическим условиям. Служивший в пехоте офицер Хаапе самостоятельно «подобрал себе целый гардероб», состоявший из тёплых носков, обмотанных фланелью и газетой, кальсон, двух сорочек с шерстяным жилетом, легкого мундира и широкого кожаного пальто, надеваемых поверх друг друга. Свою голову он защищал двумя шерстяными шапками, а на руки надевал две пары перчаток – вязаные и кожаные, стягивая рукава верхней одежды шнурком, чтобы туда не задувал ветер. Называя свой военный костюм скафандром, Хаапе, сетовал, что воевать в та-

ком обмундировании было невозможно, единственной его функцией было уберечь тело от переохлаждения.

Войска вермахта, без проблем завоевавшие Европу в стильных маршевых сапогах из коровьей кожи, вряд ли предполагали, что могут задержаться на советской земле до наступления суровых морозов. На всякий случай, прихватив с собой комбинированную войлочную-кожаную зимнюю обувь, они не предполагали, что вскоре их заветной мечтой станут простые валенки. Этот предмет обмундирования достался советским солдатам ещё от императорской армии. Изготавливаемые из овечьей шерсти валенки спасали ноги от обморожения, обеспечивали их воздушной циркуляцией, помогали бороться с болями при ревматизме, способствовали скорому срастанию сломанных костей и даже защищали конечности от пуль и осколков разорвавшихся снарядов. Поговаривают, что недостаточное обеспечение валенками привело бойцов Красной Армии к поражению в советско-финской войне 1939—1940 годов. Согревавшие и лечившие воинов валенки, во время осенне-весенней распутицы, дополняемые резиновыми галошами, стали одним из символов победы, прославленную песню о которых Лидия Русланова исполняла не только в ходе фронтовых концертов, но и фоне Бранденбургских ворот в цветущем мае 1945 года.

РККА приобрела горький опыт во время войны с Финляндией, немцы чуть позже – в первую зиму восточной кампании.

Но хлебнули холода и русские солдаты. К началу Великой Отечественной войны Красная Армия оказалась не готовой в плане снабжения частей достаточным количеством обмундирования. Поэтому данную проблему пришлось решать в сжатые сроки. В самом начале Великой Отечественной войны все вещевые склады, близкие к фронту, были уничтожены. Те, что в глубине страны, – Центральные склады внутренних округов, к счастью, сохранились. Но с учётом мобилизации и вливания в Красную армию громадных людских ресурсов, резкого увеличения армии с 4 миллионов в июне 41-го до 10 миллионов в октябре 41-го, никаких запасов, разумеется, не хватало. Поэтому неоценимую помощь оказал массовый сбор одежды, особенно тёплой одежды, чтобы обеспечить ею наши фронты в зиму 1941—42 года. Помощь тыла сыграла громадную роль. Начало было положено ещё в июле 41-го, когда по стране начался массовый сбор тёплых вещей для фронта. Однако большая часть этой помощи ушла во вновь сформированные части Красной Армии, воевавшие под Москвой. Большинство убитых зимой солдат на Ленинградском и на Карельском фронтах имели при себе различные тёплые вещи, присланные из тыла: подшлемники, варежки, носки.

Кампания по сбору тёплых вещей получила в тылу широкий размах. «Подарки Красной Армии, – указывал М. И. Калинин в 1942 году, – это огромное, буквально всенародное выражение любви к своей армии. В истории нигде и никогда

не было столь огромного выражения любви народных масс к своим бойцам».

Валенки с тёплыми портянками, шапки-ушанки, варежки на меху. На ватники надевали полушубки. Под ушанку – шерстяные подшлемники. Но большинство солдат в зимнее время носили не ватники, а шинели. Полы у шинелей длинные. В походе или атаке это, конечно, минус: путается в ногах, приходится засовывать под ремень, чтобы не мешали бежать. А вот во время сна минус превращался в плюс: полами шинели очень удобно укрывать стынущие ноги.

За осень 41-го года было собрано 15 миллионов штук различных тёплых вещей: валенок, полушубков, овчин, шерстяных варежек, перчаток, меховых рукавиц. За счёт полученных от населения в 41-м году тёплых вещей и белья можно было одеть и обуть около двух миллионов воинов. С приближением холодов на фронты стало поступать тёплое обмундирование. Такой огромной материальной поддержки народа не знала ни одна армия мира. М. И. Калинин в январе 42-го отметил: «Это засвидетельствованный всем миром факт, что наша страна сумела одеть свою армию лучше, чем гитлеровцы. А это на весах войны имеет очень большое значение».

За годы войны из общего количества зимнего обмундирования, отпущенного на снабжение РККА, 15 миллионов комплектов состояли из вещей, бывших в носке, собранных, выстиранных и отремонтированных в войсковых, окружных

мастерских НКО и гражданских организациях.

Вермахт сумел подготовиться к зиме 1942—43 годов значительно лучше, а униформа изготавливалась с немецкой аккуратностью и педантичностью, поэтому она была удобной и тёплой. Сапоги утеплённые. Или лучше назвать их «бурки» на кожаной подошве. С кожаными головками валенки. Удачно сшиты: тёплые и сырости не боятся. Русские солдаты иногда обливали отечественные валенки водой. На морозе вода превращалась в лёд и не пропускала влагу.

Но войска вермахта, втянутые в многомесячную Сталинградскую мясорубку, были экипированы по летнему варианту. С наступлением холодов они остались в лёгком обмундировании. И это становилось началом конца...

* * *

Морские коммуникации фашистской Германии проходили вдоль побережья Северной Норвегии. 2 декабря 1941 года на подходах к порту Хаммерфест подводная лодка «К-22» под командованием капитана второго ранга Виктора Котельникова потопила транспорт, на борту которого перевозилось 20 тысяч полушубков для егерей 19-го горнострелкового корпуса фашистов. А в следующем походе 13 января 1942 года торпедная атака двух транспортов так же увенчалась успехом, и опять Северное море приняло подарок в количестве 30 тысяч полушубков. Корпус егерей по милости «К-22» и его командира был вынужден дрожать от холода на голых сопках, обдуваемых северными холодными

ветрами, так и не добравшись до тёплых домов Мурманска, о чём мечтал Гитлер. За «К-22» прочно утвердилось прозвище «специалиста по раздеванию немцев». Кстати, эта лодка одной из первых на Северном флоте удостоена звания гвардейской. Король Великобритании Георг VI наградил Котельникова орденом «За боевые заслуги».

5

Когда Василий вернулся из райцентра домой, на кухне пахло свежей квашнёй.

– Всё-таки не утерпела, поднялась? – с укором спросил, присаживаясь на скрипучий табурет, отодвинув его от стола.

– Все бока отлежала. Хворь, вроде, прошла. Стряпанного захотелось.

– С чем пирожки-то?

– С говяжьей печеню. Держала кусочек в морозильнике. Думала, может, кто из девок погостить приедет, – вздохнула Анна. Помолчав, добавила: – Но, видно, некогда им по гостям разъезжаться. Заработались в городе. Не до мамкиных пирожков.

– Ладно, мать. Чего по мелочам расстраиваться? Закрутились они там. Понятное дело. Город теперь все равно, что один большой колхоз. Проблем выше крыши. Держи вот, – Василий бережно разгладил мятые купюры и положил их на краешек кухонного стола.

– И на том спасибо! – бабка понесла деньги в комнату. Убрала в потёртый кожаный кошелёк. Его подарила младшая дочка Юля. Возвращалась с мужем из Приморья. Ездили по делам. Заехали к родителям. Отец приболел. По словам врача, который проводил обследование, вероятно, сдвинулся осколок в груди. А насчёт кошелька старшая дочь Лида позже пошутила, мол, было бы, что в нём держать.

– Ну, отец, ты скажешь, – усмехнулась бабка, вернувшись на кухню. – Тоже мне. Сравнил колхоз с городом.

– А что? Такие же в городе люди. Из одного теста, – подметил Василий, глядя настряпню. – Тоже, поди, забот полон рот.

– Деревенские заботы не сравнить с городскими. Воду с дровами принеси, печи истопи, скотину накорми. А прежде надо сена накосить, тех же дров заготовить. Огород вспахать, засеять, убрать.

– Ну, ты, бабка, разошлась. Ладно. Кстати, о заботах. Может, печку растопить? – спросил Василий. – После дождя сырость. Газ-то кончился. На чём будешь жарить?

– На электроплитке. Ты лучше банькой займись... А насчёт городских условий я права. Вода там из крана льётся. Хочешь – холодная, хочешь – горячая. Батареи греют. Туалет тёплый...

– Как говорит молодёжь, мечтать не вредно. Стайку надо вычистить. Утром до автобуса не успел.

– Отдохнул бы сначала.

– На перроне насиделся.

– Первые пирожки спекутся, крикну чаевать.

– Ладно.

Василий ушёл на улицу. Раскатывая тесто, Анна вновь обращалась мыслями к младшей дочери.

«И чего мне Юлька сегодня на ум упала? Уж не случилось ли там чего? А чего случится? Живут хорошо. Всё у них есть. На моря каждый год катаются. Одно худо – деток бог не дал...»

Василий направился в коровью стайку, вычистить настил от накопившегося за ночь навоза. Задержался взглядом на куче чурок. Давно бы надо расколоть, да бабка сдерживает. Мол, успеется, потом приберутся дрова. Не больно завтра зима-то.

– Что, дядя Вася, уже вернулся? Скатал в город? – За штакетную ограду держался опухший лицом сосед Петруха. Роста маленького, телом худосочный мужичок. Относился к типу людей возраста непонятного. То ли человеку под тридцать, то ли уже все сорок. По обросшим щетиной впалым скулам давно скучает бритва.

– Скатал.

По натуре своей Петруха покладистый и смирный. Про таких говорят – безобидный, но за словом в карман не полезет. Когда надо было «включать опохмеляторы», он шёл к соседу дяде Васе. Тот, если имелось, не отказывал. Знал, что с выпитым стопариком у Петрухи не появится агрессивность, ко-

торая зачастую теперь наблюдалась у мужиков. Раньше, выпив, человек становился добрее. Сейчас наоборот. Каждая стопка прибавляла градус непонятной злости. Почему так? Из чего её теперь гонят? Водку-то?

– Нормалёк? Весь овощной товар разобрали?

– Весь.

– Значит, удачно поторговал? – издалека, как всегда, начинал Петруха.

– Чего хотел-то?

– Сам знаешь.

– Нет, не знаю, – притворился Василий.

– Веруха спирт привезла.

– Уже попробовал?

– Попробуешь у неё. Не даёт в долг, – Петруха выжидательно помолчал и добавил, – а мне бы только голову поправить...

– Чего это вдруг? Вроде, Верка никому не отказывает.

– Выходит, что мне отказывает.

– Почему?

– Обиделась. Я её позавчера матюкнул не по делу.

– Как же такого маху-то дал? На тебя это, вроде, непохоже.

Не подумавши брякнул?

– Не подумавши, – согласился Петруха. – Спроси меня, дурака. С похмелья был. Не знаю теперь, с какой стороны к ней подрулить. Вредная эта Верка! А всё потому, что мужика нет. В смысле, постоянного. Вот я и ляпнул не по теме.

Короче, придурок я самый натуральный.

– Да, действительно, не по теме ляпнул.

– Пытался сегодня подкатиться...

– И что Верка?

– Сказала, чтобы вон пошёл!

Сосед смурно поколупал пальцем ржавую шляпку гвоздика в почерневшей от времени штакетинке и несмело спросил: – Выручишь, дядя Вася?

– Нет, даже не проси, – решительно отрезал тот, будучи готов к такому вопросу.

– А может, это, дядя Вася? – мелькнула у соседа спасительная мысль. Он в надежде предложил вариант: – Может, сам попросишь у Верухи? Тебе она не откажет, а? А я потом с тобой рассчитаюсь.

– Да чем ты считаешься?

– Да вон у тебя дрова лежат неколотые... Ты же знаешь, что я безотказный. Давеча, когда ты шибко разболелся...

– Ладно, тимуровец, проходи.

– Ага, – сосед посветлел лицом и юркнул в раскрытые ворота. – Но в дом не пойду, теть Аня усечёт. Может, лучше в баню?

– Иди. Сейчас принесу.

Сосед прошмыгнул по тропинке к баньке.

Василий обошёл поленницу и вынул в нужном месте заметное полено. Достал початую бутылку водки. По пути к баньке сорвал на парнике огурец и с грядки несколько пё-

рышек зелёного лука.

– Я всегда знал, что ты, дядя Вася, настоящий друг!

– Да, ладно тебе, – усмехнулся Василий, отвинчивая пробку.

– А у меня и стакашик имеется, – сосед, как фокусник, вынул, будто из воздуха, гранёную стопку. – А чего же сам? – участливо спросил Василия.

– Я не буду. Лечись.

– Для гостей, что ли, в поленнице замыкано?

– Вроде того.

– Ага! – хрустел Петруха свежим огурцом. Вкусно хрустел. То ли от водки, то ли от закуски.

Оба молчали. Темы для разговора не находилось.

– Ещё налить?

– Что я совсем, что ли? Оставь себе на после бани. Разве только, плесни ещё на хлопок.

– Давай!

– Ага!

Прошло несколько минут.

– Ну, ступай, а то бабка застучает. Сам её знаешь.

– Знаю, дядя Вася. А Юльку вашу надо было драть по заднице, пока малой была! Как так?! Она, поди, думает, родители по два века будут жить! Вот про старшую ничего плохого не скажешь! Молодец баба! Я б на ней женился, кабы она, – Петруха закашлялся. Долго отхаркивался, признаваясь, что надо бросать курить.

– Кабы она за тебя пошла?! – усмехнулся Василий.

– А почему бы и нет? Что я, совсем пропащий? По молодости-то всё путём было. После армии сразу стал зарабатывать, мотоцикл «Минск» купил. Ты же помнишь? Мотоцикл-то?

– Помню. Разбил ты его по пьянке...

– Это потом всё пошло наперекосяк. Бабы заразы все. Ладно, маманя жива-здоровая. Она не даст пропасть...

– Пора тебе за голову взяться. Как-то пореже на пробку наступать. Глядишь, и наладится жизнь. И матери бы в радость... А ведь каким комбайнёром был! Премии получал...

– Где теперь те комбайны и премии? Оттого и пить приходится, чтобы бардака не видеть. Сволочи там все на верхах! Капиталисты грёбаные. Никто о народе не думает. Ни хрена эта жизнь не налаживается. Только разлаживается, – Петруху теперь тянуло поговорить. Уже и тема подпирала – политика. Но Василию надо заниматься своими делами, а не слушать бредни.

– Иди-ка, Петро, домой. Иди, а то Анна моя сейчас нагрет. Получим оба по шее. Ступай. Не подводи меня.

– Ладно, всё. Я уже в пути. Потом договорим.

– Договорим-договорим...

...Сосед ушёл, а у Василия что-то защемило на сердце. Так бывает. Разбередит прохожий человек душу и удалится потихоньку, а ты продолжай терзаться мыслями, печалась тем, о чём напомнил, пусть и невзначай, не специально, тот

случайный собеседник...

Василий дочистил стайку. Направился к крыльцу. Ещё с веранды вкусно пахло жареным.

– Первая сковородка отпыхается, можешь чаевать, – предложила она.

– Подожду тебя.

– Ладно.

– Пойду пока дровишек для баньки приготовлю.

Нащипав лучину, присел Василий на лавку. Полегчало Анне – это хорошо. На душе посветлело. Чем старше становился Василий, тем чаще задумывался о том, как быстро всё-таки проходит у человека жизнь. В молодости никому об этом и в голову не приходит. Годы бегут будто наперегонки. И чем старше человек, тем быстрее, стремительно приближая старость. Время движется медленно, но года пробегают быстро. Как стремительно время летит! Одна из поразительных ошибок человеческого сознания, свидетельствующих о какой-то, просто потрясающей болезни, присутствующей в нас – это мы забываем решительно, что живём мы – миг.

Спросите 30-летнего, 50-летнего, 80-летнего, 100-летнего: «Как вы смотрите на прошедшую жизнь?» Все отвечают одинаково: «Всё прошло как сон».

Неужели трудно отсюда сделать вывод, что если так прошли наши 30, 50, сколько угодно лет, точно так же, как мы не увидели прошедших лет, проскочат и эти остальные.

И что же дальше? Зачем же я живу? Всё пролетает как миг, как мгновение. Сейчас, кажется, я живу этим моментом. Но всё пролетает... Всё в реку забвения погружается, как говорили древние греки.

И самое удивительное, что нас настолько захлёстывает обыденная жизнь, непрерывные дела, суета, общение, события, что мы даже забываем о самом главном вопросе жизни: «Зачем я живу?» Единственный вопрос, который выпадает из сознания человека – он совсем забывает подумать: «А для чего я живу?», если эта жизнь пролетает как миг...

* * *

...После Победы многие, полные сил, фронтовики строили жильё своими руками. Зачастую напару с молодой женой. Самый распространённый вариант или самостроевский проект, так называемая «засыпнушка». Основу самодельной избушки составлял дощатый остов, наполненный утрамбованными опилками, смешанными со шлаком. У иных ветеранов такие жилища простояли по сорок и более лет. В самостроевских домишках рождались, вырастали и улетали из родного гнезда дети, протекали зрелые годы и наступала неотвратимая старость...

Обещанное государством улучшенное жильё оставалось пока только на бумаге.

«Доживёт ли бабка до тёплого с унитазом туалета?» – размышлял Василий, вспоминая, как бывал в гостях у Лиды. Она успела получить благоустроенную «однушку» перед са-

мым закрытием комбината. И как всё цепляется одно за другим? Диву даёшься. Причём производство лопается одновременно в разных местах, а если и не лопается, то постепенно сходит на нет. Государственное племенное овцеводческое хозяйство в районе встало на колени. Некуда сбывать шерсть. Её цена теперь ниже цены пакли. Государству теперь не нужна шерсть. Сказалась и неостребованность сукна и шерстяных тканей для пошива шинелей для Российской армии. Она вдруг отказалась от этого вида зимнего форменного обмундирования. Шинели заменили холодными куртками на рыбьем меху.

Отсутствие средств на оплату государственного оборонного заказа больно ударило по камвольно-суконному комбинату, на котором трудилась Лида и одно время Юлька. Больно ударило – не то слово. Что называется, прямо под дых заполучил весь коллектив. Без разницы, кто передовик, а кто шалай-валяй. Всем сполна выдана путёвка в безработицу. Как говорится, конец подкрался незаметно. Василий приезжал к Лиде и видел, что осталось от бывшего красавца-комбината – гордости всей области. Останки промышленных корпусов, частью разобранных, частью разграбленных, теперь пустых и никчемных, напоминали Сталинград 1942 года... «Это в мирное-то время? А в Великую Отечественную войну в чистом поле на Урале вырастали заводы оборонной промышленности» – Василий начинал ощущать осколок в груди. Одно время себя успокаивал, что, может быть,

оно и к лучшему, что Лида не стала учительницей? Нищета образования, искажение фактов истории. Какие духовные ценности нести детям? Как сеять разумное, доброе, вечное? Двойные стандарты захлестнули страну. Учителям не платили по нескольку месяцев. Доходило до того, что местные торгаши-барыги договаривались с местной административной властью и та, довольная выходом из положения и тем, что учителя не забастуют и смирятся, расплачивались со школами в счёт долгов по зарплате просроченными продуктами...

Василий размышлял: «Хорошо, что Лида работает не в бюджетной сфере, а в производственной, где не должно быть задержек по зарплате».

Но время показало, что всё может быть в этой стране дерьмократии, как нередко называли её в некоторых смелых печатных изданиях горячие журналисты, которые сами вскоре оказывались не у дел, становясь неуютными для прикормленных коррупцией чиновников.

Одно хоть радовало отца, что Юлька держится на плаву. Может быть, верно сориентировалась в своё время, когда убежала из ткачих, ещё до развала комбината. Затем в её жизни появился Славик. Парень видный, правда, старше Юльки. Офицер. Служил в Германии, затем здесь, в Забайкалье. Хотя специальность военная не ахти какая – тыловик. И фамилия – специально искать, не сыщешь – Шмель. Ладно, любовь зла, хотя младшей дочери Василий зла никак не желал, просто присказка такая на ум пришла, когда речь

замужества коснулась. Военная гордость сменилась меркантильными интересами. Нередко люди, носившие вчера погоны, становились обыкновенными барахольщиками, особенно те, кто служил за границей...

Когда со Славиком познакомились ближе, Василию понравился будущий зять. Много любопытного рассказывал о Германии. Василию, конечно же, интересно. Как там живут побеждённые? До Германии Василий ведь не дошёл. Закончился в Сталинграде боевой путь старшего сержанта Федотова.

Славик рассказывал, что немцы не пьют стаканами спиртное. Первые блюда – супы – там не распространены. Хлеб не кусают, а отщипывают рукой. Считая на пальцах, их не сгибают, а разгибают, предварительно сжав в кулак, по мере счёта.

Славик родом с запада. Там и срочную служил. В танковых войсках. Перед дембелем взял и поступил в высшее военное училище тыла. Окончил с отличием. Имея красный диплом, попросился служить в Группу советских войск в Германии. Так он рассказывал будущему тестю Василию за праздничным ужином, которым родители Юльки встретили будущего зятя. Впрочем, молодые уже полгода жили вместе. Дело оставалось за штампиком, как они сами сказали. Но то, что союз бракосочетания должен быть оформлен по всем правилам, они считали правильным, не признавая так называемого входящего в моду гражданского брака. Вот

за это Василий даже зауважал Славика. Особого уважения, конечно, в глазах особенно бабы Анны, имели и капитанские погоны зятя. Офицер! Как это звучало гордо, когда она рассказывала о Юльке и её делах своим деревенским подругам. Соседка Дуся тогда восхищённо мечтала: «Вот Андрейка вырастет, тоже пойдёт в офицеры!»

– Теперь-то что? Где проживают? – допытывалась любопытная Дуся.

– Пока в его офицерском общежитии в гарнизоне. А потом квартиру-малосемейку обещали.

– А в каких чинах зять-то?

– В больших. Капитан.

– Это я знаю. Я спрашиваю, много людей-то у него в подчинении? Многими солдатами командует?

– Многими. Целый полк танкистов у него.

– Ой, батюшки! Только, кажись, полком полковники командуют...

– Ну, не совсем полк, но полк.

– Как это?

– Вячеслав заместитель полковника. Вот.

– А... Теперь понятно.

– А какая фамилия будет у Юльки-то?

– Шмель.

– Какая-какая?

– Шмель. Такая фамилия.

– Чего? А! – Дуся хотела хохотнуть, но вовремя одёрнула

себя и потёрла, будто вспотела, лицо фартуком.

– Редкая фамилия.

– Западная. Родом из Саратовской области.

– Далеко от Забайкалья, – вздохнула, посетовав подруге, Дуся.

– Далековато, – согласилась Анна.

– И родители есть? То есть живы?

– А как же, конечно, живы.

– Юльку ещё не возил знакомить?

– Нет.

– Свадьба-то была?

– А как же? Всё честь по чести, – слукавила Анна, не объясняясь про то, что штампика в паспорте пока не поставлено.

– Что-то вы не ездили с дедом? Я бы корову-то вашу подоила и за хозяйством по-соседски приглядела.

– Нет, свадьба в гарнизоне была. Офицерская, молодёжная. Куды мы с Василием поедем?

– А гарнизон-то в Чите?

– Нет. В степях. Далеко. Сначала на поезде, потом на машине надо ехать. Я и говорю тебе, вон куда добираться?

– Понятно, – мотнула головой Дуся, видимо, исчерпав весь запас вопросов и получив достаточно полную для первого раза информацию. – Может, чаевать будешь?

– Нет, пойду я, – заторопилась Анна, про себя обрадовавшись тому, что расспросы соседки наконец закончились...

Но вслед Анна ещё услышала: – Глядишь, и скоро нянчить

кого-нибудь будете?

– Дело молодое, не без этого, – согласно отозвалась она, открывая дверь из кухни на веранду.

– Счастливая Юлька, ничего не скажешь, – делилась вечером за ужином своему деду тётя Дуся. – Особенно и не взяла ничем, не больно какая и образованная, а вот не обробела, такого жениха прихватила.

– Ну, – отозвался дед, цепляя вилкой из тарелки варёную картофелину.

– Везёт же девке. Не успела толком в городе прижиться, и глянь, такого принца привезла. Давеча видела в окно. Бравый парень. Погоны, фуражка с кокардой. При большой должности. Анна говорит, замещает полковника.

– Ну, – снова повторил дед, цепляя вилкой ломтик солёного огурца и откусывая хлеб. – Ты бы ещё сказанула – генерала.

– Ну да ну, какой ты?!

– Тебе-то чего? Самой, что ли пора подросла жениха выбирать? Так опоздала маленько. Лет на пятьдесят...

– Да ну тебя! Андрейка школу кончит, пускай тоже на офицера учится. Там и форма, и паёк, и невест на выбор.

– Ага, все тридцать три удовольствия, – съязвил дед.

– А что?

– Пускай сначала школу закончит. В армии отслужит. Потом выбирает, кем ему быть.

– В армии отслужит, ба-ба-ба, ба-ба-ба, – передразнила

тётя Дуся мужа. – Потом в деревне навоз ворочать, как мы с тобой, да?

– Кому-то надо и в деревне.

– Ага. Мы наишачились. Дочь тоже коровам хвосты крутит, зять больше под машиной лежит, ремонтирует старую рухлядь, потом и Андрейке то ж? Ага. Рассудил, старый!

– И чего раскипятилась? С чего Федотовых зять на ум упал?

– Говорить-то хоть что можно. Сам видишь, что молодёжь старается уехать из деревни.

– Я о том, что если внук захочет, пускай тоже едет в город поступает учиться. Сама знаешь, как он хорошо в механизмах соображает. Мотоцикл мой уж сколь разов разбирал-перебирал? Пускай на инженера учится. А тебе офицеры, говорю же, на ум упали.

– И что плохого?

– А то, что глупая ты курица, мать. Про Афганистан-то хоть слышала?

– И чего? По телевизору говорят.

– Говорят. Который год говорят.

– И что? Оказывают интернациональную помощь народу. Продукты туда возят. Там дома строят.

– Воюют там, мать.

– Батюшки! А про это в телевизоре ничего нет... А ты откуда знаешь?

– Оттуда!.. Налей лучше чаю, – протянул он бабке свою

любимую фаянсовую кружку с ярким рисунком и золотым ободком. – Поменьше бы свои сериалы смотрела.

– Воюют, погляди-ка. Надо бы у Анны-то спросить, что зять-то рассказывает?

– Да ничего он не рассказывает. Нельзя им рассказывать, – принимая горячую кружку, пояснил дед. – И ты с языком не лезь. Всё тебе любопытно.

– Вот воюют. А ты, в армии послужишь. Не пуцу Андрейку в армию. И Светке накажу.

– Ага, послушает тебя военкомат. Знал бы, ничего тебе не говорил.

– И не говори больше.

– И не буду. Дай спокойно хоть чаю допить...

– Пей, я у тебя кружку не отбираю. Возьми карамельки.

Чего пустой швыркать?

– Не хочу карамельки. Последние зубы поломать.

– А ты в чай положи.

– Не хочу лишний раз сладкого. Зубы теперь лечить – одна беда. Где на них деньги возьмёшь?

– У меня у самой зубы не лучше твоих.

– Вот я и втолковываю тебе, что последние надо беречь.

– Чего уж теперь об этом толковать? Я с конфеткой буду чаевать.

Конец 1970-х годов.

Старшая дочь Лида после школы поехала поступать в пединститут. С младших классов мечтала стать учительницей истории. Сдала все вступительные экзамены, но не прошла по конкурсу. За компанию с другими неудачниками-девчонками решила идти в профтехучилище при камвольно-суконном комбинате. Дали общежитие, стипендию. Кроме ПТУ имелся и вечерний текстильный техникум.

Комбинат занимал площадь в двадцать пять гектаров, из которых шестнадцать отводилось под производственные площади. Специализировался на производстве шерстяной пряжи, тканей. Первая очередь составляла пятьдесят тысяч прядильных веретен. Через два года вступила в строй вторая очередь – тридцать тысяч прядильных веретен и цех крашения. Через год – шестьсот пять ткацких станков и шесть тысяч веретен аппаратно-прядильного производства. Проектная мощность почти девять тысяч тонн пряжи, двадцать восемь миллионов погонных метров ткани в год. Комбинат состоял из пяти основных производств: чесального, прядильного, аппаратно-прядильного, ткацкого, отделочного. Производства располагались в пятнадцати цехах, где работало около двух тысяч единиц разнообразного оборудования, включая импортного: японского, итальянского, французского производства.

– Вот это размах! – восхищались девчонки, приезжающие сюда устраиваться на работу со всех уголков области.

В середине 70-х было налажено производство полушерстяной ткани для школьной формы мальчиков и шерстяной для военной формы Советской Армии.

– Как раз вы и будете заниматься производством полушерстяной ткани для школьной формы мальчиков, – услышала Лида в числе остальных ровесниц после завершения ознакомительной экскурсии по комбинату от своего мастера производственного обучения в ПТУ – женщины уже в годах, строгой на вид, но доброжелательной и простой в общении. Девчонки ловили на лету каждое её слово, раскрыв рты от захватывающей перспективы. Позднее выяснилось, что мастер не такая уже и в годах, около сорока с небольшим ей всего-то. Просто много лет она пробыла в этой профессии, работая на аналогичном комбинате в соседней области. Преждевременно увядший внешний вид говорил об издержках этой самой профессии, хотя девчонкам такое и в голову пока не могло прийти. Молодость была фонтаном!

Работающих на комбинате более трёх тысяч. Восемьдесят процентов – женщины. Одна из проблем – дефицит женихов. Об этом юные девы, неискушённые в любви, сообразили сразу. Успокаивались тем, что город большой, поэтому ребята не сошлись клином на одном комбинате и одном микрорайоне, на территории которого находится этот комбинат. Впечатлял и рабочий посёлок в почти двадцать тысяч человек. Комбинат считался градообразующим предприятием. При нём была развита так называемая социалка. Это пять

молодёжных общежитий, здравпункт, аптека, водолечебница, столовые, буфеты, Дворец культуры на два зрительных зала, библиотека, при которой работало двадцать досуговых кружков, база отдыха на одном из озёр в нескольких десятках километров от города.

В профтехучилище на ткачей брали девушек с хорошим здоровьем. Считалось, что это тяжёлая работа – ткать ткань. Шумная, пыльная, станки бьют. Ткачихи имели пятый разряд, выше – только у мастеров станков – мужчин. При наработке 20-летнего стажа уходили на пенсию в пятьдесят лет, но об этом девчонкам тоже пока не думалось. В училище изучали весь технологический процесс: от запуска шерсти до отделки ткани.

– Живём интересной жизнью, – с энтузиазмом и задором рассказывала вновь принятым работницам секретарь комитета комсомола. – Активно участвуем в художественной самодеятельности, общественной жизни трудового коллектива, проводим трудовые комсомольские субботники, все это очень подробно отражается в нашей стенной печати..

...Ничто не предвещало в размеренной, насыщенной делами, жизни молодых ткачих тоже молодого, но союзного значения гиганта-предприятия скорых глобальных полных негатива перемен, которые сказались и на личных судьбах 20-летних девушек-ткачих. Они искренне гордились трудовыми достижениями комбината, на котором работали, в который они влюбились, вне которого многие сверстницы уже

и не мыслили себя. Правда, что характерно, девчонки пытались отговаривать своих младших родственниц, которые изъявляли желание тоже работать на комбинате. Объясняли юным несмышлёнкам тяжёлые условия труда. Это постоянная физическая нагрузка, шум, грязь, пыль. Кстати, ткачихи в близком кругу нередко удивлялись старшему поколению своих соратниц-коллег, которые в 30-е годы перевыполняли в разы производственные показатели, перекрывая сменные задания.

– Они двужилые, что ли были? – спросили однажды девчонки у седого парторга.

– Нет, – отвечал тот, – такие же, как вы. В годы первых пятилеток маломощное оборудование способствовало тому, чтобы девушки могли повышать производительность труда. Да и сама трудовая героиня того времени, наверное, выступала в качестве подпитки моральных и физических сил. Тогда ведь во главу угла ставились несколько иные ценности, чем сейчас. Не было в помине некоей самоуспокоенности, если хотите, сытости в людях того поколения, – объяснял девушкам, как мог в силу своего интеллекта, парторг. Он много лет провёл на партийной работе, причём в разных отраслях: от угольной промышленности до текстильного производства. Основательно поднаторел в доходчивом и убедительном объяснении людям многих вопросов.

Юлька, младшая сестра Лиды, до последнего, даже когда сдала выпускные экзамены и получила новенький аттестат

зрелости, не могла определиться с выбором профессии. Лиде было проще, та с малых лет мечтала стать учительницей. Но ей не повезло. При поступлении не хватило одного балла. Расстроилась до слёз. Но помогли советом подруги по абитури, тоже не прошедшие по конкурсу. Что ни говори, сообщая легче переживать любые невзгоды.

– Жизнь продолжается, пойдём на камвольный комбинат работать. За год денег подкопим, ума наберёмся, – рассудила самая бойкая девчонка из их абитуриентской комнаты, тоже потерпев неудачу при поступлении.

Долго добирались до микрорайона на окраине города, где находился рабочий посёлок. По дороге напал хохот. Некоторые пассажиры удивлённо смотрели на девчонок, но молчали. Молодёжь, чего с неё взять? Девчонки хохотали по каждому поводу, в таких случаях говорят: покажи палец – будут смеяться... Наверное, таким образом девчонки, сами того не ведая, освобождались от психологического стресса, который испытывает любой нормальный человек из абитури, который вроде бы успешно сдаёт все вступительные экзамены, но, гадство, в последний момент не проходит по конкурсу. На зачислении неудачник слышит от членов приёмной комиссии одну для всех дежурную фразу: «Приезжайте на будущий год». Но что значит «на будущий год»? Это целых двенадцать месяцев, в них триста шестьдесят пять дней! Это целый год, который в таких случаях бывший абитуриент мысленно как бы вычёркивает из жизни, считая его потерянным.

ным, абсолютно ненужным и никчемным.

– У Лидки одни пятёрки и четвёрки в аттестате, а не по-ступила, – повторяла Юлька матери с отцом. – И ничего, жи-вёт не хуже, чем с образованием. Куда мне в институт с мо-ими трояками? Училки каждый год меняются, попробуй хо-рошо предметы знать!

– Когда Лида училась, учителей тоже не хватало, надо бы-ло больше за учебниками сидеть!

– Ну, прямо! Извините-подвиньтесь. Ещё бы зубрилой не была! – обиженная на строгость, особенно отца, Юль-ка выходила из дома и молча сидела на лавочке у калитки, разглядывая улицу, на которой ничего нового не происхо-дило. Всё та же картина, что и год и два назад. Разве что проезжающая техника – трактор «Беларусь» или автомобиль «Зил-130» были раньше поновее. Теперь эта техника и та-рахтела как-то по-другому, с надрывом, и, казалось, пылила больше. А солнце жгло немилосердно.

«Тоска зелёная, умереть легче. И девки где-то запропа-стились?» – тоскливо размышляла Юлька, сидя на лавочке и покачивая закинутой колено на колено загорелой ногой в домашнем тапочке.

– Ой! Извините-подвиньтесь! Легки на помине! – радост-но воскликнула Юлька. Вдалеке показались подружки. Сле-дом катилась большая резиновая камера от колеса больше-грузной машины. Её катил младший братишка одной из по-дружек, выглядывая сбоку белобрысой головёнкой.

– Эй, выпускница! Пошли купаться! – закричали звонко издали девчонки.

– Сейчас! Только купальник надену! – соскочила с лавочки Юлька.

– Долго там не бултыхайся. Грядки и парник сегодня надо хорошо пролить, жара вон какая стоит, – предупредила мать.

– Ладно! – стукнув дверкой шифоньера, Юлька взяла свёрнутый в комочек розовый купальник и поторопилась переодеться в баньке.

Огромная чёрная камера грузно шлёпнулась о воду. Быстренько скинув платишки на берегу, девчонки с визгом окунулись в прогретую солнцем воду.

– Классный купальник! – оценили подружки. – Откуда?

– Лида из Читы привезла.

– Где достала?

– На барахолке...

– В таком купальничке почти вся фигура загорает, только полосочки на теле и остаются, – с завистью щебетали подружки.

– Счастливая ты, Юлька!

– Счастье, прям, так и хлещет! – с иронией отозвалась та.

Вода тёплая, как парное молоко. Девчонки дурачились, плавая на глубине «по-бабьи». Цеплялись за мокрые скользкие края камеры, а младший братишка, оседлавший её, ударял по воде пятками, подымая брызги. Колесо, медленно кружась, плыло по течению.

– Ловите меня! – звонко кричит малец. Девчонки с визгом догоняют, цепляются за бока мокрой резины и возвращают камеру на прежнее мелководье.

* * *

Юлька училась в школе слабее Лиды. Так бывает в семьях. Обычно чаще, что именно старший ребёнок учится лучше младшего, хотя бывают исключения.

В начале июля от Лиды пришло письмо. В первых строках спрашивала о планах младшей сестрицы насчёт поступления. В конце письма просила родителей отпустить Юльку к ней в Читу. Там вместе подумают. И чтобы при себе имела все нужные для приёмной комиссии документы. Вечером за ужином Юлька робко спросила:

– Ну что, мам, пап? До Лиды доеду?

– У самой-то к чему душа лежит? Может, на медичку пошла бы? – спросила мать.

– Извините-подвиньтесь. Ещё чего, в болячках ковыряться, – фыркнула по привычке Юлька.

– Ну, тогда оставайся дома. На ферме доярка скоро требуется. Одна у них в декрет уходит. Да и на молодняк телятница нужна, – подсказал отец.

– Больше, папаня, ничего не придумал? В навозе копать-ся?! Ну, уж дудки. Лучше, как Лидка, в ткачихи идти.

– А чем не профессия? – поддержала мать. – Лида сначала тэушку закончила, потом поступила в текстильный техникум при комбинате. Город всё-таки, есть где специальности

хорошей обучиться. Опасно только вечерами ходить...

– Ну, мам, не опасней, чем в нашем райцентре. Бухариков долбанутых везде хватает...

От Лиды опять пришло письмо. Старшая сестра по-прежнему приглашала Юльку к себе в город, правда, предупредив, что работа ткачихи физически трудная. Надо будет привыкать к пыли, грязи, шуму. Но гарантирован стабильный заработок. Да и жизнь в рабочем поселке бьёт ключом. Не то, что в деревне. Но с решением надо торопиться, времени для поступления совсем мало. Считанные дни остаются. Юлька согласилась. За вечер родители её собрали и отправили на поезде. Ехать-то всего ночь.

На следующий день Лида сама унесла документы в приёмную комиссию профтехучилища.

На выходных – в воскресенье – сёстры выбрались на автобусе в центр. Сходили в кино. Возле кинотеатра «Родина» пили газировку из красного автомата. А напротив ресторана ели мороженое. Перед возвращением к себе, долго сидели на скамейке у центральной площади под сенью ветвистой зелени. С непривычки ходить по асфальту у Юльки горели подошвы ног.

– Лид?

– Что?

– Почему возле ресторана много военных?

– Это командированные офицеры. Вырвутся в Читу из своих степных гарнизонов, все при деньгах, вот и гудят...

– Больше заняться, что ли нечем?

– А чем? Ходить в кино и есть мороженое?

– Тоже верно.

Сёстры помолчали.

– Наверное, все сплошь холостые? – сделала неуверенное предположение Юлька.

– Не сплошь.

– Что? И женатики?

– Почему бы и нет? Тоже ведь люди.

– Женатики другим должны заниматься, пользуясь случаем.

– Каким случаем?

– Что в город вырвались. Здесь такие большие магазины. Покупали бы подарки жёнам и ребятишкам.

– Подарки! – Лида рассмеялась.

– Чего смешного?

– Глупенькая ты ещё, Юлька.

– А что я не так сказала? Дома с подарками, что ли не ждут?

– Это понятно, что ждут.

– Ну, вот. И я о том же. А тебе ха-ха. Зато я глупая, ты умная.

– Ладно, доедай своё мороженое, а то растает.

– Что? Поедем?

– Да-да. Пора на автобус. Пошли на остановку. Кстати, пока в училище занятия не начались, надо тебе домой съездить

за осенней одеждой.

– Надо бы. Я уж и по маме с папкой соскучилась.

Через два дня Лида собрала сестрёнку, купила билет на поезд. Собрала гостинцы родителям.

– Что, Юлька, поступила? – спросила первым делом, встретившись на улице, соседка тётя Таня, извечная доярка.

– Поступила.

– Студентка, значит?

– Типа того...

– Кем будешь-то? Слыхала, что ткачихой?

– Ткачихой.

– Тоже неплохо. Не наше дело, навоз резиновыми сапогами месить. В городе-то ловчее жизнь?

– Пока не знаю. Наверное...

– Ловчее, – уверенно сказала тётя Таня. Зубы у неё изъедены дешёвым табаком. Курит с пятого класса. Отец Матвей, тоже фронтовик, бывало, лупил солдатским, ещё с фронта, ремнем. Зажмёт меж колен, задерёт юбочку и по заднице в сатиновых трусишках. Жена Маруся набежит, отнимет. Ругает мужа своим самым любимым в адрес его ругательством:

– Охолонись, контуженый! Забьёшь ребёнка!!!

Тот, будучи в сильном гневе, но по душе отходчивым, махнёт ещё пару раз ремнём в воздухе и мало-помалу успокоится. Начинает прикидывать, куда бы папиросы подальше спрятать, чтобы малая не достала... Хоть на чердак,

а лестницу убрать. Но тоже неразумно, всякий раз на чердак за пачкой лазить. Это с калечеными-то рукой и ногой?

Дядя Матвей умер давно. Взяли своё фронтовые четыре года. Танька маленькая была, но помнит, как на похоронах несли на сшитых наскоро, красного цвета, подушечках медали. Тётя Маруся сильно причитала над могилой. Соседки держали её под руки. Пузырёк с нашатырем давали нюхать. Голосила истошно:

– Как же теперь жить-то буду, голубок ты мой, ненаглядка моя?! А-а-а, Матвеюшка!!!

Вот ведь на кладбище выясняется истина. А в жизни, что не так, сразу: «контуженый»!

Позднее, когда в школе организовали музей боевой и трудовой славы односельчан, учительница истории попросила у семьи солдатский ремень фронтовика. Спустя годы, тётя Таня, бывая в школе, где чествовали по осени, на День сельского хозяйства, передовиков колхоза и проводили экскурсию в школьный музей, не без гордости признавалась:

– Помнит моя попа этот папин экспонат...

Надсадно прокашливаясь, доярка хрипло жаловалась Юльке посреди улицы: – «Прима» какая-то горькая попалась...

У самой Тани, может быть, вспыхивали отблески некоей зависти или, скорее, грусти в разговоре с молодой соседкой, у которой ещё не всё потеряно, точнее, наоборот, ещё ничего не потеряно. А Тане надо растить-поднимать детво-

ру. Их у неё двое. Парнишки. Но отцы разные. Мужа посадили. Срок немалый дали. Всё-таки человек погиб. Ладно, ещё не групповую припаяли. Одни поговаривали, что взял всё Пашка на себя, другие, что он и вовсе не при делах. А ментам? Лишь бы скорее дело раскрыть-закрыть и перед начальством отчитаться... Осталась Таня с малым парнишкой на руках. Прошло года два. Письма из зоны приходили всё реже. Как-то, в конце апреля, приехала бригада шабашников из «Агропромстроя» строить новый коровник. У старого, ещё послевоенной постройки, прогнили углы и прохудилась кровля. В дождливое время прямо беда. Скот стоял в воде. Пробыли строители в деревне до середины лета. Таня снюхалась потихоньку с одним из приезжих. Коровник построили, и уехала бригада. А у Тани вскоре перестали быть критические дни. А там и живот начал расти. Прошло девять месяцев. Родила второго пацана.

Хвалилась сыновьями перед доярками на ферме: – Маленькие, а такие хорошие помощники. И дома приберут, и стайки почистят, и грядки прополют, и за бабой Марусей присмотрят. Только ещё корову доить не умеют. Старший сынок научился варить. Как щи приготовит, так ещё вкусней получаются, чем у меня!..

А в один из дней из колонии пришло письмо от Павла. Мол, сроку конец подходит, скоро выходить на волю. Татьяна без утайки, как есть, написала всю правду. А что поделаешь? Когда мужик вернётся, ребенка набеганного всё

равно ведь не утаить. Написала и, сжавши сердце, в тревоге стала ждать ответ: как-то на этакую новость муж из зоны отреагирует? Потянулись медленные дни тягостного ожидания. Прошли томительные недели три. Получила казённый конверт. Ответ был удивительно прост и спокоен: ничего, мол, вырастим. Ты, главное, Танюха, жди. Одну тебя любил и люблю. Только одно это и помогло зону оттоптать от звонка до звонка.

У Татьяны отлегло от сердца...

7

Середина 1990-х годов.

Утро для Генриха выдалось неважным. Ночью часто просыпался от бестолковых сновидений. Сожалел, что не снабдил племянника спутниковым телефоном. Предлагал, но Вилли отказался, объясняя тем, что в чужой стране следует выглядеть проще. Так, наверное, и безопасней. Меньше опасений, что спутниковый телефон могут украсть по дороге или отобрать, а дорога дальняя – через всю Россию. Договорились, что при возможности Вилли будет заказывать телефонные переговоры. Теперь, скорее всего, надо ждать звонка из конечной точки маршрута – Владивостока.

Знакомые удивлялись, зачем нужна поездка по России немецкому студенту? С точки зрения однокурсников, поездка имела чисто познавательный смысл. С точки зрения

Вилли, который изучал историю Второй мировой войны, очень хотелось побывать в стране, пережившей ужас страшной войны, увидеть места, в которых довелось бывать его дяде Генриху. Дело упрощало хорошее знание русского языка. Этим Вилли был обязан тоже дяде, освоившему русский в плену, из которого он вернулся в Германию в конце 1947 года. Повидав разруху и в Советском Союзе, и на родине, Генрих получил одну из самых мирных профессий. Стал инженером-строителем. Специализировался на жилых комфортабельных комплексах с удобной инфраструктурой. В Германии с «коммуналками» было покончено к началу 60-х годов. В России они сохранились до конца столетия, а в некоторых городах плавно перешли и в новое тысячелетие. Впрочем, выбор профессии Генрих сделал ещё на фронте. Видя разрушенные городские кварталы Сталинграда, поклялся, что если выживет в этом огненном аду, то станет только строителем...

* * *

Погодные условия Лейпцига носят умеренно-континентальный характер. Зимний период достаточно мягкий по сравнению с другими городами. Средняя температура варьируется от минус пяти до минус семи градусов. Лето в городе тёплое и очень влажное. Воздух в этот период прогревается до плюс двадцати пяти. Стоит отметить, что погода в Лейпциге крайне неустойчивая. Очень часто зимой отмечаются дожди и температура плюс десять градусов, а на сле-

дующий день воздух может охладиться до минус десять. Наилучшим временем для поездки в удивительный Лейпциг считается лето.

Из-за климата, погоды и природы и выбрал в своё время Генрих древний саксонский город Лейпциг. Многочисленные парки и сады. Пейзажи Лейпцига лишены величественности, присущей югу Саксонии с его холмами и горами. Зато великолепные голубые озёра и реки придают особую притягательность этому региону.

В лесных массивах, смешанных из липы, ели, дуба и сосны, обитают лисы, зайцы, дикие кабаны, белки. В реках водятся карп и форель. Но Генрих не охотник. После войны дал себе клятву не брать в руки оружие. Так что комфортная погода и обилие зелени позволяли вдоволь насладиться великолепным отдыхом в древнем саксонском городе.

За окном хмурилось слякотное небо, хотя август для Германии – самое бархатное время. Казалось, вот-вот закрапает дождик. Небо закрыто тучками. В это утро Генрих отменил для себя бег трусцой, ограничившись зарядкой.

Перед тем, как встать под контрастный душ, Генрих посмотрел на себя в овальное зеркало в ванной комнате, теребя мягкое махровое полотенце, на котором вышиты озорные кошачьи мордочки. Понимая, что это полотенце племянника, аккуратно повесил его на ажурный коричневый крючок. Всё должно выглядеть так, будто тот отлучился из дома всего на пару-тройку дней. Казалось, сейчас над входной дверью

раздастся трель звонка и в стенном блестящем пластике отразится фигура вошедшего в прихожую Вилли...

Когда тот уезжал, договорились, что по возвращению из России дождутся осени и махнут на несколько дней отдохнуть на горнолыжную альпийскую базу. Надо заменить крепления на лыжах племянника. Прошлый раз левое крепление вышло из строя. Хлябает защёлка, неплотно застёгивая ботинок. Такое не годится на крутом спуске с горы.

В спортивном магазине в шаге от Генриха споткнулась молодая белокурая женщина, спешившая на эскалатор, который медленно заползал и сползал вверх и вниз, меряя нужные покупателю этажи. Генрих машинально придержал её за локоть.

– Спасибо! – ответила та по-немецки.

– С вами всё в порядке?

– Вполне.

– Вы сможете идти самостоятельно?

– Да, кажется, – женщина с миловидным лицом вскользь глянула на Генриха, пытаясь улыбнуться.

– Вы уверены?

– Да. Благодарю! Всё нормально.

– Удачи! – улыбнулся и Генрих.

– Спасибо ещё раз! Всё хорошо...

Незнакомка направилась к эскалатору, а Генрих провожал её взглядом. Что-то подсказывало ему о принадлежности этой молодой, насколько он сумел увидеть, обаятельной

женщины, не к немецкой нации.

«Француженка? Нет. Британка? Нет. Русская? Хотя, судя по достаточно открытой манере поведения, возможно...»

Хотя на дворе стояла вторая половина лета, в спортивном отделе супермаркета с пониманием отнеслись к просьбе покупателя показать наиболее усовершенствованные виды лыжных креплений. Генрих хорошо помнил, ещё со времён, когда находился в лагере в Сибири, русскую поговорку о том, что сани надо готовить летом... Сейчас это был как раз как бы тот самый случай...

Генрих иногда задумывался, почему у него тяга именно к зимнему виду спорта, а конкретно, к лыжам? И эта тяга со временем передалась и племяннику Вилли. Возможно, это связано с тем обилием снега, которое он видел в молодости в Сибири? С тем непонятным завораживающим чувством, которое возникает, когда смотришь на заснеженные горы? Возможно...

Возвращаясь из магазина домой, Генрих размышлял о возможных вариантах горнолыжных баз. Обычно они с Вилли предпочитали отдыхать на Цугшпитце. Это гора в Германии. На ней построен самый высокогорный храм в стране. Немецкие католики и протестанты чтят эту часовню, расположенную на высоте 2390 метров. За время строительства храма для доставки материалов использовались вертолёты, которые совершили более 400 подъёмов с грузом на стройплощадку. По окончании строительства часовня бы-

ла освящена кардиналом Йозефом Ратцингером, бывшим в то время католическим архиепископом и ставшим впоследствии Папой Римским Бенедиктом XVI. Освящена была часовня в честь праздника Посещения Девой Марией матери святого Иоана Предтечи Елизаветы. Часовня расположена недалеко от горнолыжной базы, и многие любители покататься на горных лыжах посещают этот уникальный храм. Тем более, что находится он в одном из самых уникальных и красивых мест Германии. Гора Цугшпитце является частью горных массивов Альп на юге Германии. С вершины Цугшпитце открывается вид на территории сразу четырёх государств: Австрии, Швейцарии, Италии и Германии. Добраться до горнолыжной базы и часовни можно из Мюнхена, проехав на автомобиле до Гармиш-Партенкирхена, а затем, поднявшись по канатной дороге или на специальном поезде по уникальной железной дороге, которая позволяет поездам как бы карабкаться круто в гору. Медную крышу часовни, увенчанную маленькой колокольней, видно издалека. В праздники и воскресные дни на всю округу раздаётся колокольный звон, разлетающийся в горной тишине на многие километры.

Первый раз они приехали в это местечко, когда Вилли было лет восемь-девять. Первым опытам катания на лыжах племянник обязан именно этим заснеженным склонам. Здесь проложено несколько горнолыжных трасс разных уровней сложности – от детской и учебной до экстремально сложной.

Построен сноуборд-парк, трасса для снегоходов и равнинных лыж. Но особый восторг тогда у Вилли вызвала канатная дорога. Сезон катания продлевает современная система снежных пушек и ретраки, поддерживающие склоны в прекрасном состоянии. Вечерами трассы освещены, играет музыка.

Обычно Генрих с Вилли приезжают сюда на четыре-пять дней. В зависимости от времени, которым они могли располагать. У племянника оно зависело от продолжительности сначала школьных, а затем университетских каникул. Но, пробыв в этом великолепном для отдыха месте, надышавшись упоительно чистейшим горным воздухом, покидать базу не хотелось. Но время поджимало и, конечно, надо было возвращаться домой. Особенно не хотелось расставаться с центром отдыха Вилли, который за проведённые здесь дни успевал познакомиться и подружиться со сверстниками, а позже и со сверстницами. В одну из предыдущих поездок сюда Генрих с сожалением подумал о том, что совместный его отдых с племянником и горные лыжи идут к завершению. Вилли вырос и стал взрослым, и ему, естественно, интереснее находится в компании молодых ребят с девушками, нежели с дядей Генрихом...

На границе Германии и Австрии такой инфраструктуры на высокогорье, как в горнолыжном курорте Цугшпитце, едва ли можно найти где-либо ещё. Самая высокая вершина Германии – Цугшпитце высотой 2962 метров пред-

лагает необычайные виды и трассы для катания на лыжах и сноуборде. Горнолыжная зона является самой высокогорной в Германии и Австрии. Дело в том, что гора находится на границе двух стран, поэтому попасть сюда можно, как из Германии, так и из Австрии. К тому же из города Гармиш-Партенкирхена на высоту 2700 метров можно доехать на зубчатом поезде, который проезжает полпути внутри горы. Выше всех в Германии.

В конце октября, когда на вершинах гор только упадёт первый снежок, на Цугшпитце зимний сезон уже в разгаре. Гарантированный натуральный снег на единственном в своем роде леднике Германии – настоящее наслаждение для лыжников. Трассы с девятью подъёмниками расположены на высоте от 2000 до 2720 метров. При этом на шестиместные кабины подъёмника Зонненклар не бывает очередей. Подъём на вершину ледника осуществляют ультрасовременные кресельные подъёмники на 6 мест, а на самую вершину Цугшпитце – фуникулёр на 70 мест. Здесь можно найти трассы разной сложности, всего же на курорте 22 километра трасс. Стоит выделить тренировочную площадку, высота которой 2750 метров, именно здесь мечтает научиться кататься каждый ребенок.

Дома Генрих ещё раз проверил лыжные крепления, заменив старые на новые, чтобы при телефонном разговоре с Владивостоком, порадовать Вилли.

...Сентябрь-начало октября 1941 года. Раскисшие дороги, разбитые невероятным количеством разномастной техники – от тяжёлых танков до бронемашин, танкеток и мотоциклеток. Всё это оседало по брюхо в непролазных топях. объехать грязь стороной невозможно. По обе стороны от расхристанных русских дорог либо лес, либо ещё более ужасающие в непроходимости болота.

Хотя впечатляющие победы немецкой армии летом 1941 года придали сил группе японских военных, призывавших к наступлению на Советский Союз, Рихард Зорге, основываясь на информации из ближайших к японскому премьер-министру источников, 25 августа 41-го передал, что японское командование решило в этом году не предпринимать нападения на СССР. В сентябре от Зорге поступила ещё более впечатляющая информация: посол Германии Ойген Отт не смог убедить японцев напасть на СССР, и потому вероятность японского наступления полностью отпадает.

Этот момент совпал с запиской первого секретаря Хабаровского крайкома ВКП (б) Г. А. Боркова И. В. Сталину от 10 октября 1941 года «О переброске 10 дивизий Дальневосточного фронта и Забайкальского военного округа.

В связи с создавшейся обстановкой на Западном и Южном фронтах, каждый из нас – членов ЦК ВКП (б) – прекрасно понимает всю глубину опасности, нависшей над на-

шей родиной.

Судьбы нашей родины сейчас решаются именно на западе. Угроза нападения на нашу страну со стороны Дальневосточного противника (Японии) будет тем более реальна, чем тяжелее будет обстоять дело на западных фронтах.

Наши Дальневосточные рубежи охраняют части Дальневосточного фронта и Забайкальского военного округа, т. е. огромная армия, численно доходящая до 1 миллиона обученных и натренированных бойцов.

Чтобы решить победу над врагом на западных фронтах, и этим самым обезопасить себя на Дальнем Востоке, сейчас, в самую ответственную минуту, я вношу на рассмотрение Государственного Комитета Обороны следующие предложения. Первое. Взять из частей Дальневосточного фронта и Забайкальского военного округа до 10 обученных и хорошо вооружённых дивизий, перебросив их экстренными маршрутами на решающие участки Западного и Южного фронтов. Второе. Оставить на Дальнем Востоке и в Забайкалье только необходимый минимум прикрытия, авиацию и части Тихоокеанского флота и Амурской Краснознамённой флотилии. Из моряков и речников можно на месте срочно скомплектовать и обучить сухопутные маршевые подразделения. Третье. Взамен взятых частей направить на Дальний Восток и в Забайкалье необученные резервные части из центральной полосы и Сибири. Отправку этих частей нужно произвести встречным потоком, чтобы поскорее восполнить убыль

в частях Дальневосточного фронта и ЗабВО, а самое главное, этим самым спутать карты для японской разведки.

Военное руководство Дальневосточного фронта и ЗабВО, очевидно, будут возражать против этого предложения, да и сам я прекрасно понимаю, что здесь имеется большой риск – спровоцировать Японию на военное выступление. Но без риска в войне обойтись нельзя, ибо, если мы потерпим поражение на Западных фронтах – одному Дальнему Востоку не устоять. При таком положении нас могут разбить по частям».

На этот раз Сталин в отличие от июня 41-го прислушался к словам Зорге и перебросил с Дальнего Востока под Москву 10 дивизий, полностью укомплектованных и обученных, отлично экипированных зимним обмундированием.

...Время было выиграно решительным образом. Когда мороз сковал землю прочным панцирем, моторизованные части вермахта, то есть группы Центр, пришли в движение, воодушевленные тем, что можно, наконец, двигаться на Москву. До неё рукой подать. В бинокль видны звёзды Московского Кремля. Войска ожили и... упёрлись в неприступную оборону, основательно подкреплённую свежими силами, переброшенными с востока СССР. А мороз крепчал, с каждым сутками опуская столбик термометра все ниже. Легко обмундированная армия вермахта затосковала, нет, не то слово, она уже готова была взвыть по-волчьи, закапываясь в снег из-за бессилия пробить брешь в обороне со-

ветских войск. Немцы, которых послали на «блицкриг» без тёплой военной экипировки, вмерзали в землю. У них перестала заводиться техника.

«Проклятье! На смену генералу Грязь пришёл генерал Мороз!» – взмаливались солдаты и офицеры Рейха, надеясь, что, может быть, потеплеет... Хотя в это может надеяться только идиот. Наивные надежды. Конечно же, мороз для всех одинаков, не щадил ни тех, ни других, независимо от принадлежности к той или иной армии – Красной или германской.

Доктор истории из Великобритании Майкл Джонс в живой и острой форме повествовал в своей работе «Отступление» о поворотном моменте Второй мировой войны, когда на подходе к Москве военная машина Германии была вынуждена отступить. «Немецкие солдаты – вперёд на Москву! Убивайте всех, кого только сможете. Русские – бездельники, вечно пьяный и продажный народ, не способный заботиться о богатстве, которое дал им Бог. Это богатство по праву принадлежит немецкому народу. Вперёд на Москву – вас ждёт победа и слава!» Так обращался Гитлер к своим солдатам в листовках, распространяемых среди немецких войск, двинувшихся на российскую столицу в конце 1941 года, но уже через несколько недель «продажный народ бездельников и пьяниц» не только остановил наступление немецких войск, но и заставил их существенно сдать свои позиции. Вместо «победы и славы» солдаты Гитлера познали голод,

вшей, обморожения, гангрену и смерть от переохлаждения. Окоченевшие немецкие солдаты, спасающиеся от холода, накрутив на себя первое попавшееся под руку тряпьё, а за ними бескрайние снежные дали – классический образ гитлеровского фиаско в битве под Москвой. Но первым фактором, замедлившим наступление немецкой армии, был не зимний снег, но осенний дождь, который превратил грунтовые дороги равнин Украины, Белоруссии и России в непроходимые болота. Явление достаточно значимое, чтобы русские придумали для него специальное слово: «распутица», что буквально означает что-то вроде «бездорожья». Та же ситуация, при которой серьёзно затрудняется движение транспортных средств, особенно если речь идёт о тяжелых машинах без гусеничной тяги, повторяется весной в результате таяния снегов. Распутица уже вставала на пути Великой армии Наполеона в 1812 году, но, похоже, немцы не извлекли из тех событий урока. К тому же, поток продовольствия, топлива, боеприпасов и частей, необходимых для обеспечения работоспособности армии, между 1812 и 1941 годом резко возрос, равно как и средний вес транспортных средств. А проходящие по дорогам колонны танков оставляли за собой сплошное месиво, так что в затруднительном положении оказывались даже автомобили с четырехколёсным приводом и полугусеничный транспорт. Не будь этих осенних дождей, которые значительно замедлили продвижение немецкой армии, возможно, последней удалось бы подойти к Москве до того,

как снег и холода смогли окончательно парализовать движение войск и до того, как Советский Союз успел подтянуть в Московскую область подкрепление. И вполне вероятно, что «Операция Тайфун» – немецкое наступление на Москву – увенчалась бы успехом. И кто знает, по какому пути в этом случае последовала бы история? Однако никто из высшего германского командования, казалось, не учёл «Генерала Бездорожье», и только трудности осени 1941 года привели к созданию в 1942 году гусеничного тягача «Восток», машины, разработанной компанией «Штайер» для прохождения болот. Изначально она была предназначена для буксировки артиллерийских орудий, но оказалась настолько практичной, что быстро взяла на себя все транспортные функции. Немецкая военная машина против «Генерала Зимы».

В начале декабря 1941 года, убедившись в неадекватности военного обмундирования и экипировки вермахта в условиях русской зимы, генерал Хейнрици, командующий танковым корпусом, входившим в состав 2-й танковой армии Гудериана, одного из ключевых соединений в атаке на Москву, задался вопросом: «Почему нас отправили вести зимние бои и не предоставили соответствующего обмундирования? Неужели никто не знал, какие здесь погодные условия?» В самом деле, как и в случае распутицы, никто в высших эшелонах рейха и вермахта не задумывался о проблеме, которую представляла собой русская зима. Джонс подробно останавливается на этом вопросе, но Эндрю Робертс

в своей книге «Смерч войны» намечает путь к пониманию того, по какой причине погодные факторы игнорировались в ходе планирования вторжения в СССР: Гитлер, высокомерный самоучка, упрямый и легкомысленный, полагал себя «знатоком метеорологии, хотя специалистом он считал себя, чуть ли не во всех областях». По его мнению, синоптикам не следовало доверять, их лучше было заменить «людьми, наделёнными шестым чувством, которые живут в природе и с природой», способными интуитивно предугадывать погоду, наблюдая за миграциями комаров и ласточек. С другой стороны, не имея понятия о том, что такое зима с температурами до минус сорока, Гитлер хвалился своей собственной способностью легко переносить холод: «Менять шорты на брюки всегда вгоняло меня в тоску. Даже при десяти градусах ниже нуля я имел обыкновение ходить в ледерхозен. Это дарит волшебное чувство свободы». И добавляет. «Сегодня много молодых людей, которые носят шорты круглый год; это просто дело привычки. В будущем у меня будет целая бригада СС в ледерхозен!» Солдаты, участвовавшие в «Операции Тайфун», не носили ледерхозен, но их форма и обувь были совершенно непригодными для московских холодов. По мере приближения морозов они были вынуждены утепляться подручными средствами: в ход шли головные уборы, одежда и снятые с трупов советских солдат или украденные у мирных жителей сапоги, в результате чего вермахт утратил всё свое прусское величие и напоминал сбори-

ще оборванцев. План «Барбаросса» предусматривал захват Москвы не позже октября 41-го года. Поэтому немецкое командование не предусмотрело зимнее обмундирование.

Около полуночи 24 декабря 1941 года, когда советская контратака посеяла хаос в рядах усталых и голодных немецких войск, Хайнц Отто Фаустен из 1-й танковой дивизии столкнулся с символическим изображением безумия, которое бросало солдат в летней форме на амбразуру русской зимы: «На первый взгляд, это напоминало живую картину. Правда, в ней не было ничего праздничного. Люди замёрзли до смерти, оставшись на позициях, с которых вели стрельбу. Трое или четверо стояли на коленях позади пулемёта – один смотрел в телескопический прицел, а другие заряжали боеприпасы – и все они теперь представляли собой глыбы льда». Но пренебрежение, с которым немцы отнеслись к русской зиме, одеждой не ограничивалось. При низких температурах замерзало смазочное масло, и выходили из строя огнестрельное оружие и моторы машин и самолётов. Генералу Георгию Жукову, сыгравшему решающую роль в битве под Москвой, было известно, что огневая мощь и скорость наступления, которые в совокупности определили подавляющее большинство одержанных вермахтом побед, оказались серьёзно скомпрометированы. В зимних боях немцы выявили свою уязвимость, поскольку в условиях сильных холодов до минус 30 градусов – двигатели их танков и моторизованной артиллерии становились совершенно бесполезными.

И это надломило хребет германской армии. А в итоге и окончательно сломило – и когда советские войска пошли в контратаку, у отступающих немцев не было никакого другого выбора, кроме как уничтожить тысячи транспортных средств, в условиях холода не способных к передвижению.

* * *

«16 октября 1941 года стало одним из самых драматических дней для Москвы в годы Великой Отечественной войны, хотя ещё в начале месяца в городе было относительно спокойно. С фронта доносились слухи о зверствах немцев, в них как верили, так и нет. Это хорошо описано журналистом Николаем Вержбицким, в своих дневниках он пишет, о чём беседовали москвичи в очередях. И как много говорили о том, что «цивилизованные немцы» ничего такого делать не могут, и сколько москвичей с этим не соглашались... Операция «Тайфун» была в разгаре – враг наступал. 12 октября части вермахта заняли Брянск, на другой день они вошли в Вязьму. В так называемом Вяземском котле оказалось более 600 тысяч советских солдат и офицеров, четыре армии. Затем немцы взяли Калугу, Боровск, Тверь, под угрозой захвата оказались Клин и Солнечногорск, откуда до Москвы – всего несколько десятков километров. К этому времени вдоль железных дорог и по шоссе, ведущим на восток, уже потянулись толпы людей с узлами, чемоданами, баулами. В том же направлении двинулись нагруженные легковые машины, грузовики, запряжённые лошадьми

телеги. Поток увеличивался с каждым днем. И вот наступило 16 октября. Можно спорить о причинах хаоса, однако, хронология говорит о том, что дело было в элементарном отсутствии какой-либо информации, а неосведомлённость жителей дала почву паническим и провокационным слухам. На фоне немецкого наступления власти Москвы готовили планы эвакуации промышленных предприятий, органов власти, и в том числе центральной власти, а также минирования основных объектов. По-другому и быть не могло, никто же не планировал капитулировать в случае, если бы столицу захватил враг: в Куйбышеве были оборудованы ставка и командный пункт. Другое дело, что оставлять город без обороны, а его жителей – без честного разговора было нельзя. По воспоминаниям бывшего председателя Моссовета Василия Пронина, решение о срочной эвакуации 500 заводов Москвы было принято 12 октября, однако соответствующую разъяснительную работу провести не успели. Поэтому на многих предприятиях рабочие решили, что началось дезертирство. «Например, серьёзное возмущение было на автозаводе, на артиллерийском заводе, на 2-м часовом заводе. На шоссе Энтузиастов рабочие организовали заслон, не пропускали машины, идущие на восток», – вспоминал Пронин.

Накануне, 16 октября, Государственный Комитет Оборона принял постановление «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». Город должны были незамедлительно покинуть

правительство, наркоматы, посольства, Генштаб, военные академии, заводы. Крупные предприятия, электростанции, мосты и метро следовало заминировать, рабочим и служащим выдать зарплату, сверх нормы по пуду муки или зерна. Утром 16 октября в Москве не открылось метро – единственный раз за всю свою историю. Приказ о закрытии отдал народный комиссар путей сообщения Лазарь Каганович: «Метрополитен закрыть. Подготовить за три часа предложения по его уничтожению, разрушить объекты любым способом». Не вышли на линии трамваи и троллейбусы, на объекты транспортной инфраструктуры прибыли саперы. Во дворах домов и учреждений жгли документы: сберкнижки из касс, документацию предприятий, партийные и комсомольские билеты, всевозможные учетные карточки, домовые книги и многое другое.

В это время по городу уже не первый день ползли слухи, что немцы уже в Крюкове и Химках, что в принципе было не так далеко от правды: колонна немецкой мотопехоты прорвалась фактически до станции метро «Сокол». В суетливых, крикливых и душных бесконечных очередях чего только не говорили: что немцы возьмут город в два дня, что партийная «головка» бежит и многое другое. И когда жители города увидели неработающий транспорт, а рабочие – неработающие предприятия, отсутствие руководителей и денег для расчёта, вполне логично, что начались беспорядки: машины останавливали на трассах и улицах, били пассажиров

и вытаскивали «барахло», появились мародёры. Но другой вопрос, что побежали руководители предприятий и партийные кадры. Те, кто не смогли раздобыть заветную «бронь» или место в эшелоне, идущем на восток, просто начали бросать город. И бежать – по шоссе Энтузиастов. 19 октября Вержбицкий пишет: «16 октября войдёт позорнейшей датой, датой трусости, растерянности и предательства в истории Москвы... Опозорено шоссе Энтузиастов, по которому неслись в тот день на восток автомобили вчерашних „энтузиастов“ (на словах), гружённые никелированными кроватями, коврами, чемоданами, шкафами и жирным мясом хозяев этого барахла». И не только со своим «барахлом», но и с деньгами, ценностями предприятий и учреждений, хватали всё, что могли унести. О деталях бегства написано много, и с опорой на документы. По неполным данным военной прокуратуры Москвы, оставили свои рабочие места около 780 руководящих работников; ими было похищено почти полтора миллиарда рублей, угнано сто легковых и грузовых автомобилей. Согласно справке московского горкома ВКП (б), с 438 предприятий, учреждений и организаций сбежало 779 руководящих работников. Бегство отдельных руководителей предприятий и учреждений сопровождалось крупным хищением материальных ценностей и разбазариванием имущества: было похищено наличными деньгами за эти дни 1 миллион 484 тыс. рублей, а ценностей и имущества на сумму 1 миллион 51 тыс. рублей.

Тут важно то, что, паника быстро прекратилась. Уже 17 октября по радио выступил Пронин, призвавший немедленно приступить к работе и ликвидировать панику, не верить ложным слухам. После этого город буквально преобразился: всё заработало, даже такси. На улицах появились военные и милицейские патрули, с правом расстрела на месте грабителей и мародёров и проверки любых машин и личных вещей. Паническое бегство прекратилось, открылись магазины, аптеки, больницы. Моссовет принял постановление, в котором события в Москве 16 октября были названы «грубым нарушением государственной дисциплины». Было введено осадное положение, Московский городской суд и народные суды стали военными трибуналами, выносившими суровые приговоры не мешкая, и обжалованию они не подлежали. Прошло ещё два дня, и 21 октября Вержбицкий удивляется, что стало с городом? «Преображенская площадь. Полдень. Пережита „паника“. Люди уже не мечутся, они выстроились опять в очереди. За облаками страшный пулемётный огонь. Гудят самолеты, дрожат стёкла, в трёхстах метрах от магазина на берегу Яузы начинают гневно и оглушительно рывкать зенитки. Где-то бухают фугасные бомбы. Но ничто не изменилось на площади. Недвижно вытянулись очереди, особенно большая за портвейном (18 рублей 60 копеек), не дрогнула и очередь за газированной водой. У витрины магазина кучка внимательно читает газеты под стеклом о том, что под Малоярославцем мы отступаем. На остановке юно-

ша читает „Севастополь“ Ценского. Из рупора летят звуки „Богатырской симфонии“ Бородина. Плетётся пьяненький. Красноармейцы тянут пиво. Куда делись в Москве нервные люди?»

Отдельно следует отметить, что одной из причин паники стал слух о том, что Москву покинул Сталин. Позже тот факт, что вождь остался в столице, сильно помог прекратить панику. Известно, что Сталин приезжал на вокзал, прошёлся вдоль вагонов, в которых уезжали в Куйбышев члены партии и правительства. Но – он не уехал, остался в осаждённой Москве, а затем и вернул в город своих соратников. Сталин остался в Москве в то время, когда в войсках германского восточного фронта уже распространялись заранее отпечатанные пропуска для передвижения по Москве во время парада полков вермахта и был подготовлен целый сценарий. Он начал готовить свой сценарий: парад 7 ноября на Красной площади в честь Великого Октября».

* * *

Во время отступления под Москвой и особенно после поражения под Сталинградом многие генералы вермахта так или иначе вспомнили события почти тридцатилетней давности, когда они носили в большинстве своём ещё лейтенантские погоны.

...Декабрь 1914 года. Впервые за много лет мир встретил Новый год без радости – в Европе, Африке, на Ближнем Востоке и на море шла не просто кровопролитная война, а вой-

на, которая, как всем стало ясно, затянется надолго, затяжная война. На основных фронтах еще сохраняется затишье, но стороны уже строили планы новых наступлений. На Кавказе разворачивалось Сарыкамышское сражение, завершившееся разгромом турецкой армии.

Главным итогом кампании 1914 года стал крах германского плана «блицкрига» – молниеносной войны, в ходе которой предполагалось вначале разбить Францию...

Декабрь 1914 года. Исторический урок для Германии. Ситуация повторилась через тридцать лет на Восточном фронте. На этот раз в противостоянии вермахта и Красной армии...

9

Ноябрь каждого года напоминал Василию о том, как он попал на фронт.

...В середине ноября 1941 года в Забайкалье начали срочно формировать линейный полк для отправки на фронт, под Москву. Каждый день направляли бойцов из запасного полка, в котором служил рядовой Федотов, для погрузки техники на платформы. Грузили орудия, миномёты, различные машины, боеприпасы и другое оборудование. В эшелон надо вместить полностью боевой полк со всем вооружением. В состав полка входило: три батальона пехоты, вооружённые автоматами, гранатами и пулемётами. Каждому батальо-

ну придавалась одна батарея противотанковых орудий, рота 82-мм миномётов, батарея 76-мм пушек образца 1936 года на деревянных колёсах и другие подсобные части. Кроме того, в составе эшелона были установлены зенитные пулемёты, которые размещались на открытых платформах и были способны вести огонь по авиации противника в любое время. В каждый товарный вагон размещали целое подразделение: роту, батарею. Как только вагон заполнялся, то его закрывали и выделяли ответственного дежурного. Стоял сильный мороз. В вагонах было холодно. Тут же затопили печи и все согрелись. Бойцы ложились в шинелях на нары и засыпали. У каждого при себе была винтовка, патроны и гранаты. День и ночь ехали почти без остановок. В бой вступили под Наро-фоминском. Началось наступление. Полк Федотова придали одной из стрелковых дивизий. Вместе с ними действовал кавалерийский корпус Доватора, и танковая бригада Гетмана, но танки были бензиновые, броня была тонкая, горели они как факелы. Так как с ними кавалерия наступала, Василий вспоминал, как с товарищем собрали несколько потников войлочных, стелили лапник еловый на землю, потом эти потники, и ими же укрывались и спали.

В батарею дали шесть новеньких 45-мм пушек. Ночью подвезли на заранее уже подготовленные огневые позиции. К утру пушки были подготовлены для стрельбы прямой наводкой. Морозы стояли сильные, но сибиряков выручала отличная экипировка. Тёплое зимнее обмундирование выдали

ещё в Забайкалье. Валенки, тёплое нательное, бельё тёплое, штаны и гимнастёрка обычные хлопчатобумажные, ватные брюки и ватная телогрейка, шинель, шапка-ушанка, шерстяной подшлемник, перчатки двупалые. У пушки дежурили по два человека. Менялись каждые два часа. Остальные грелись в теплушках. Землянки ещё не были готовы.

Землянка выполнялась по известному методу. На 80—85 процентов все земляные работы велись взрывным методом. Перекрытие делали из сухих брёвен. Оно покрывалось сухими ветками, листьями, а затем забрасывалось всем подручным материалом: камнями, кусками мёрзлого грунта, маскировалось сверху снегом. Когда затопили печь, сверху, «с потолка», была сильная капель влаги. Потом её отчерпывали из землянки. Она постепенно стала просыхать. На пол настелили сухих веток, а затем соломы и сена.

На позиции подвезли снаряды. По 100—120 штук на орудие. Было понятно, что готовится новое наступление.

К вечеру дали команду приготовиться к ведению огня. Все орудия были готовы. Пехота тоже. К вечеру мороз усилился. Ждали целый час. Никакой команды об открытии огня не было. Все замерзли около орудий. Стали уходить греться в землянку. В двадцать два ноль-ноль подалась команда: «Приготовиться к бою!» Через двадцать минут открыли огонь из всех видов оружия. Били из орудий прямой наводкой, миномётов, дальнобойной артиллерии. Вели стрельбу из пулемётов и автоматов. 45-мм пушки израсходовали

80 снарядов. Подалась команда: «Отбой!» Весь ствол и замок у орудия были почти красными. Бойцы брали котелок со снегом и ставили на ствол орудия. Снег с шипением превращался в воду. Поскольку в канале ствола было много гари, то немедленно банником (ёршиком) прочистили орудие и смазали его маслом. Артиллерийская канонада продолжалась до двадцати четырёх ноль-ноль. После этого всё утихло. Передний край немцы освещали ракетами, и никаких передвижений и наступления не было. В час ночи поступил приказ из штаба полка снять орудия, подготовиться в походное положение и ожидать приказа. В два часа ночи последовал приказ пехоте занять передний край противника. Резервным сибирским частям было приказано занять вторую линию обороны немцев и продвинуться вглубь к немцам. К утру была занята новая линия обороны. Бои шли в направлении Москвы – Волоколамска.

От командиров подразделений из штаба дивизии потребовали составить список наиболее отличившихся в бою. Затем на другой день личный состав построили и зачитали приказ Главнокомандующего: всем бойцам, оставшимся в живых, – присвоить звания младших сержантов и сержантов. Всем сержантам, имеющим среднее образование, – присвоить звание младших лейтенантов. Всем «новоиспечённым» сержантам, младшим лейтенантам дали подарок. В подарок входили папиросы «Казбек», печенье, конфеты, яблоки, апельсины, сливочное масло и по одной банке рыбных кон-

сервов.

* * *

«5 декабря 1941 года началось контрнаступление советских войск под Москвой. Мечты Гитлера об успешном блицкриге рассыпались в прах. Советские войска наступали, начались суровые морозы, немцы всё чаще вспоминали Наполеона...

Г. Блюментрит. Воспоминание о Великой армии Наполеона преследовало нас, как привидение. Книга мемуаров наполеоновского генерала Коленкура, всегда лежавшая на столе фельдмаршала фон Клюге, стала его библией. Всё больше становилось совпадений с событиями 1812 г. Но эти неумолимые предзнаменования бледнели по сравнению с периодом грязи или, как его называют в России, распутицы, которая теперь преследовала нас, как чума. Теперь политическим руководителям Германии важно было понять, что дни блицкрига канули в прошлое. Нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя.

Ганс-Ульрих Рудель. Стоит декабрь и термометр опустился ниже 40—50 градусов ниже нуля. Облака плывут низко, зенитки свирепствуют. Мы достигли предела нашей способности воевать. Нет самого необходимого. Машины стоят, транспорт не работает, нет горючего и боеприпасов. Единственный вид транспорта – сани. Трагические сцены отступ-

ления случаются всё чаще. У нас осталось совсем мало самолётов. При низких температурах двигатели живут недолго. Если раньше, владея инициативой, мы вылетали на поддержку наших наземных войск, то теперь мы сражаемся, чтобы сдержать наступающие советские войска.

Франц-Фридрих фон Бок. Русские ухитрились восстановить боеспособность почти полностью разбитых нами дивизий в удивительно сжатые сроки, подтянув новые дивизии из Сибири. Они заменили утраченную на ранней стадии войны артиллерию многочисленными пусковыми установками реактивных снарядов. Сегодня группе армий противостоит на 24 дивизии – преимущественно полного состава – больше, нежели это было 15 ноября. Потери среди офицерского и унтер-офицерского состава просто шокируют. В процентном отношении они много выше, нежели потери среди рядового состава.

Штейдле. Пятого декабря начались сильные удары с воздуха по тыловым коммуникациям и исходным районам, где до сих пор можно было чувствовать себя в безопасности. Красная Армия начала на широком фронте генеральное наступление, в результате которого немецкие войска были отброшены местами до 400 километров. Несколько десятков самых боеспособных немецких дивизий было разбито. По обе стороны шоссе лежали убитые и замёрзшие. Это был пролог к Сталинграду. Блицкриг окончательно провалился.

Бауэр Гюнтер. Волчий вой нагонял на нас тоску и дурные

предчувствия. Но даже он был лучше, чем завывание «органа Сталина». Так мы прозвали секретное оружие русских, которое они сами называли «катюшами». Снаряды, выпускаемые этим оружием, скорее напоминали ракеты. Невероятный грохот взрывов, языки пламени – всё это ужасно пугало наших бойцов. Когда нас обстреливали «катюши», у нас горела техника, гибли люди. Однако, к счастью, у русских было мало подобных установок и снарядов к ним. Поэтому урон, наносимый этим оружием, был не слишком ощутим. Его применение давало скорее психологический эффект. Говоря о психологическом воздействии на нас, нельзя не сказать и о советской пропаганде. Время от времени до нас доносились усиленные репродукторами звуки популярных немецких песен, которые пробуждали в нас тоску по домашнему уюту. Вслед за этим звучали пропагандистские призывы на немецком. Они играли на том, что мы измотаны, голодны, а некоторые из нас успели отчаяться. Русские призывали нас: «Сдавайтесь победоносной Красной Армии, тогда вы вернётесь домой сразу после окончания войны». Как правило, эти призывы вызывали у нас только озлобленность. Но были и те немногие, кто малодушничал и тёмной ночью переходил на сторону русских».

* * *

Известный немецкий диверсант, оберштурмбанфюрер СС Отто Скорцени писал: «Русская кампания не была «выиграна за четырнадцать дней», как записал в своём дневни-

ке под датой 3 июля генерал-полковник Гальдер. Ещё одна ошибка на совести историков – утверждение, что «с начала кампании русские части имели приказ держаться до конца». Наоборот, они получили приказ отступать как можно быстрее, чтобы избежать окружения, в жертву были принесены лишь некоторые части. Более 500000 советских солдат избежало минской западни, и Гитлер знал об этом... Если, как говорят некоторые, Гитлер вначале недооценивал русских, то он совершил большую ошибку. У рейха была более хорошая стратегия ведения войны, наши генералы лучше знали проблемы взаимодействия моторизованных дивизий и обладали лучшим воображением. Однако, начиная с рядового солдата и до командира роты, русские были равны нам. Они были мужественными, находчивыми, одарёнными маскировщиками, а кроме того, ожесточённо сопротивлялись и всегда готовы были пожертвовать своей жизнью...

2 декабря мы продолжали двигаться вперёд и смогли занять Николаев, расположенный в 15 километрах от Москвы, – во время ясной солнечной погоды я видел в бинокль купола московских церквей. Наши батареи обстреливали предместья столицы, однако у нас уже не было оружейных тягачей. Шевалье располагал лишь 10 боееспособными танками. С 9 октября по 5 декабря дивизия «Рейх», 10-я танковая дивизия и другие части XVI танкового корпуса потеряли 7582 военнослужащих, что составляло 40 процентов их штатного личного состава. Через шесть дней, когда наши по-

зии были атакованы вновь прибывшими сибирскими дивизиями, наши потери превысили 75 процентов начальной численности. В тот же день нам стало известно, что после атаки на Перл-Харбор Германия и Италия объявили войну Соединённым Штатам. Это известие пагубно повлияло на боевой дух некоторых моих товарищей. Мы задавались вопросом, как поведёт себя наш японский союзник в отношении СССР? То, что нам приходилось постоянно воевать с новыми сибирскими частями, не предвещало ничего хорошего. На следующий день, 12 декабря 1941 года, был отдан приказ отступить на линию Волоколамск – Можайск... Я думаю, что, несмотря на грязь, мороз и бездорожье, несмотря на предательство и бездарность некоторых начальников, неразбериху в нашей логистике и героизм русских солдат, мы захватили бы Москву в начале декабря 1941 года, если бы в бой не были введены новые сибирские части».

* * *

С некоторых пор Генрих стал вести записи воспоминаний о своём пребывании на Восточном фронте. С тем, чтобы сохранить эти воспоминания для потомков, дабы ужасное случившееся с его поколением, не смогло повториться с внуками и правнуками. Нацизм не должен повториться никогда... Может быть, со временем удастся даже напечатать книгу. Хотя времени, отпущенного любому смертному, остаётся всё меньше и меньше. Заправив в каретку пишущей машинки чистый лист бумаги, Генрих некоторое время раз-

мышлял, с чего начать новую главу рукописи. Сделав из фарфоровой жёлтой чашечки глоток ещё не остывшего кофе, стукнул пальцем по первой клавише.

«С прошлой ночи мы находимся в Калининe. Это был тяжёлый переход, но мы его совершили. Мы шли вверх по дороге, тянущейся к этому плацдарму, как длинная рука, без значительного прикрытия с каждого из флангов. Плацдарм должен быть удержан из стратегических и пропагандистских соображений. Дорога несёт на себе отпечаток войны: разбитое и брошенное оборудование, разрушенные и сожжённые дома, громадные воронки от бомб, останки несчастных людей и животных. Город – размером с Франкфурт, не считая окраин. Это беспорядочное нагромождение, без плана или отличительных черт. В нём есть трамваи, светофоры, современные кварталы, здания больниц и госучреждений – всё вперемешку с жалкими деревянными лачугами и избами. Новые дома были расположены на песчаной пустоши, без всякой ограды, если не считать деревянной изгороди. Вслед за ними поднимались заводские корпуса во всей своей неприглядности, со складами и с железнодорожными подъездными путями. Однако мы целый час катили по асфальтовым дорогам, читая по пути причудливые названия вроде «Кулинария» над ресторанами. Когда мы вступали в город, то столкнулись с тем, что русские установили свои орудия на главной дороге и заставили нас здорово побегать... Странная жизнь на этом острове в чужой стране. Мы пришли

и готовы ко всему, независимо от того, насколько это будет необычным, и ничто нас больше не удивит. За последнюю четверть часа царило оживление в секторе справа от нас. Позиции третьей батареи вышли из строя. Линейный патруль прекращает действовать. Снаружи царит жестокий холод. Это серьёзная война, серьёзная и отрезвляющая. Наверное, она отличается от того, какой вы её представляете. Она не настолько ужасна – потому что для нас в вещах, которые считаются ужасными, осталось уже не так много ужасного. Иногда мы говорим: «Будем надеяться, что это скоро кончится». Но мы не можем быть уверенными в том, что это кончится завтра или послезавтра. И пожимаем плечами и делаем своё дело. Я стоял один в доме. Зажёг спичку, и с потолка стали падать клопы. По стенам и полу ползали полчища паразитов. У очага было совсем черно от них: жуткий живой ковёр. Когда я тихо стоял, то слышал их беспрерывные шорох и шуршание. Ничего, это уже не приводит меня в замешательство. Я просто удивляюсь и качаю головой.

Лето подгоняло нас вперёд. Осень взяла нас в плен своей постоянной безудержной распутицы. Теперь зима стремится окончательно изгнать нас из страны. Ошибкой было вслепую вступать в эти земли, где всё нам чуждо и которые никогда не будут нам близки. Здесь царит холод и враждебность, всё здесь против нас.

Высшее командование вермахта внимательно следило за событиями советско-финской войны, прозванной также

«Зимней». Были собраны неплохие данные по действиям войск в условиях суровой зимы. Но, нападая на СССР, нацистская верхушка слепо верила в блицкриг, предусматривавший, что Красная армия будет разбита не позже ранней осени, и холода вермахт встретит на зимних квартирах. В архивах немецкого радио сохранились записи бесед Гитлера с Маннергеймом, в ходе которых фюрер признаётся, что армию к зиме даже не готовил, технику и не думал опробовать в условиях зимы, Самонадеянность командования дорого обошлась солдатам и офицерам вермахта. Они были одеты в стильную форму, пошитую на фабриках Hugo Bossa, но обмундирование совсем не было рассчитано на морозы. Для утепления применялись жилетки, кальсоны, тёплые варежки, меховые наушники – ни шапок, ни тулупов, а валенки вызывали у вермахта оторопь и искреннее восхищение, но до конца войны так и не поступили на вещевое довольствие гитлеровских войск. Всё это утепление было рассчитано на условия европейской зимы, где минус 10—15 градусов являются кошмаром и катастрофой. Не хватало даже и шинелей. Один из моих знакомых, чудом выживший на Восточном фронте, рассказывал, что в 3-й армии, где он служил, выдавали одну шинель на четырёх солдат. Морозы в 1941 году ударили рано – в начале ноября и температура быстро упала до 30 градусов мороза. А совсем недавно мне удалось прочесть мемуары генерала Гудериана, Он пишет, что при внезапно ударивших морозах писал в мемуарах, вой-

ска стали срочно утепляться. Вермахт развернул против населения оккупированных территорий настоящий морозный террор «Выставь Ваню на мороз»: семьи выгоняли из жилья, невзирая даже на наличие маленьких детей. Чтобы не дать немцам отсидеться в тепле, Ставка советского главнокомандования выпускает 17 ноября 1941 года Приказ ВГК №428, предписывавший «разрушать и сжигать дотла все населённые пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40—60 км в глубину от переднего края и на 20—30 км вправо и влево от дорог».

* * *

Рассчитывая на быструю победу над Советским Союзом, руководство Германии совершенно не позаботилось о зимнем обмундировании для своих солдат на Восточном фронте. Она была очень тонкой и лёгкой. На фронте солдаты вермахта проводили большую часть времени в вырытом в земле окопе или за каменной стеной, под крышей, сооружённой из плащ-палаток. В таких условиях они не могли защититься ни от дождей, ни от морозов. Части тыла, руководство и их помощники искали для себя более тёплое место и часто занимали русские дома, даже под страхом того, что их в любой момент могут расстрелять из крупнокалиберных морских орудий советские войска. Чтобы хоть как-то исправить ситуацию, немецкие интенданты придумали инструкцию для своих замерзающих подчинённых. Кто-то из тыла довёл информацию о том, что если температура опускается

ночью ниже нулевой отметки, нужно на руки надевать носки, используя их вместо перчаток. Для большего удобства в носках следовало вырезать дырки для двух пальцев. Однако, следует отметить тот факт, что форма солдат уже так сильно поизносилась, что целых носков у них просто не было. О том, что следует тогда использовать вместо носков, инструкция не сообщала. До сих пор не понятно, почему для замерзавшей армии не поставлялись перчатки из Германии или из захваченных советских городов. У немцев на тот момент были хорошо налаженные коммуникации на полуострове, которым практически ничего не угрожало, но вопрос со снабжением солдат тёплой одеждой никто не решал. Так всю зиму и провели немецкие войска, стараясь следовать разработанным для них правилам. Каждый день солдаты участвовали в боях, то наступая, то защищаясь. Вынужденные постоянно находится в холоде и сырости, они могли укрыться только остатками плащ-палаток. Банки с едой грели на карманных печках, не дававших особого тепла. Только в конце февраля руководство Германии, с помощью общественных фондов, начало собирать одежду, одеяла, вязаные перчатки и носки. Данный фонд до войны занимался сбором средств для нищих и бездомных. Видимо к таким приравняли интенданты и солдат, воюющих на Восточном фронте.

Солдаты вермахта не гнушались мародёрством, наматывая на себя любые ткани и надевая вещи, которые помогут сохранить тепло, не стесняясь даже срывать платки с го-

лов женщин – лишь бы утеплиться. Мародёрство относится к числу тяжких военных преступлений, поскольку забрать вещи у убитых или раненых вражеских солдат – это действие не совместимое с такими понятиями, как воинская доблесть и честь. Впрочем, ни одна война в истории человечества не обходилась без мародерства...

Генерал Гудериан в своих мемуарах отметил, что военная кампания против СССР не была тщательно продумана руководством Третьего рейха. Опьянённые лёгкими и быстрыми победами над войсками стран Западной Европы, немецкие стратеги недооценили целый ряд факторов: от погодных условий России до самоотверженности солдат Красной армии. Согласно плану «Барбаросса», ещё до начала зимы 1941—1942 годов немцы должны были одержать победу. 20 декабря 1941 года Гудериан сообщил Гитлеру и другим руководителям Третьего рейха на очередном совещании, что пули и снаряды красноармейцев приносят вдвое меньший ущерб воинским частям вермахта, чем суровая русская зима. Почти 40 процентов гитлеровцев отморозили свои ноги, руки и щёки. Бывали случаи, когда боевое оружие так примерзало к открытым участкам кожи солдат, что железные стволы приходилось отдирать вместе с кожей. Впрочем, генерал Мороз косил людей, не разбирая ни захватчиков, ни защитников. Если потери вермахта, связанные с суровой зимой 1941—1942 годов, по оценкам военных экспертов, составили около 228 тысяч человек, то в Красной ар-

мии от обморожения пострадали примерно 180 тысяч бойцов. Не стоит удивляться, что первым делом с трупов советских солдат и офицеров фашисты снимали валенки, сапоги, шапки-ушанки, шинели, телогрейки, ватные шаровары, меховые перчатки, шерстяные носки. В общем, все возможные тёплые вещи. Как вспоминал тот же Гудериан, порой по внешнему виду солдаты вермахта ничем не отличались от партизан. Наряженные в ватники, замотанные шерстяными платками, отнятыми у крестьянок, с меховыми шапками на головах гитлеровцы мало напоминали ту одетую с иголочки армию Третьего рейха, которая вошла на территорию СССР всего несколько месяцев назад. Немецкие шинели были рассчитаны на мягкий климат Западной Европы, а сапоги совсем не годились для русской зимы. Командование выдавало солдатам и офицерам амуницию строго по размеру: дополнительно утеплить обувь изнутри не получалось. Кроме того, металлические клепки буквально леденели на морозе, являясь дополнительными проводниками холода. Об этом факте маршал Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» отметил: «Немцы не обратили внимания на тот факт, что с XVIII столетия русские солдаты получали сапоги на один размер больше, чем нужно, что давало им возможность набивать их соломой, а в последнее время газетами, и благодаря этому избегать обморожений». Ситуация с нехваткой тёплых вещей в армии вермахта была настолько критической, что после совещания, на котором Гудери-

ан доложил о количестве обморожений, министр пропаганды Геббельс обратился к жителям Германии. Он призвал население собрать и сдать тёплую одежду для солдат, сражающихся на Восточном фронте. Бойцам Красной армии, конечно, тоже не хватало меховых и шерстяных вещей, но ситуация была в разы лучше. Всё-таки советское командование знало, что такое русская зима. Не случайно маршал Жуков написал в своих мемуарах, что всегда приравнивал валенки, полушубки, тёплое бельё и телогрейки к ещё одному эффективному виду вооружения.

В частях вермахта под Москвой развернулось кустарное производство «обуви» из лыка и других подручных материалов. Невзирая на то, что это было нарушением устава, военнослужащие вермахта начали мастерить самодельные железные печки для установки в землянках и блиндажах. Единого дизайна не было – каждый выкручивался, как мог. Командование старалось обеспечить войска горячим питанием и свежим горячим хлебом, несколько раз в день. Широко использовались полевые кухни и хлебопекарни. Об этом пишет английский военный историк Роберт Кершоу в книге «1941 год глазами немцев». Он же приводит поговорку, что лучше пройти три французских кампании, чем одну русскую. Командование разрешило греться крепким алкоголем, но если солдата ловили пьяным, его ждала гауптвахта. Не обошлось и тут без накладок, например, в замерзающую 4-ю армию 19 ноября 1941 года прибыли в вагонах

глыбы красного льда и осколки стекла – командование решило прислать солдатам французского вина. Тогдашний начальник штаба армии генерал Блюментритт вспоминал: «Я никогда прежде не видел солдат в такой ярости».

* * *

Бесконечно горели костры в окопах. В огне сжигали всё, что могло гореть и как-то согреть. На то, что открытый огонь демаскирует позиции – не обращали внимания – смерть от мороза была куда страшнее обстрела, при обстреле ещё были шансы уцелеть. Спустя время, медаль вермахта «За зимнюю кампанию 1941—1942 года» сами немцы называли медалью «мороженого мяса».

Что касается оружия, то Генрих считал, что русские всегда были наделены большим творческим потенциалом. Как в техническом, так и в интеллектуальном плане. Генрих вспоминал танки Т-34 и «Катюши», с которыми ему доводилось столкнуться на Восточном фронте, будучи рядовым связистом вермахта... Основным оружием пехотинца был карабин. Его уважали больше, чем автомат. Он был дальнобойным и хорошо пробивал защиту. Автомат был хорош только в ближнем бою. В роте имелось примерно 15—20 автоматов. Солдаты старались добыть русский автомат ППШ. Его называли «маленький пулемёт». В диске 72 патрона и при хорошем уходе это было очень грозное оружие. Ещё у русских на вооружении состояла снайперская винтовка Симонова. Очень точное и мощное оружие. Вообще, рус-

ское оружие ценилось за простоту и надёжность. Но оно было очень плохо защищено от коррозии и ржавчины. Германское оружие лучше обработано.

...Перечитывая, напечатанный на машинке текст, где описывал события под Москвой, Генрих всякий раз окунался воспоминаниями в самые страшные дни своего пребывания на Восточном фронте – в Сталинград... Но сил продолжать печатать в этот вечер абсолютно не оставалось. Вообще, садясь за, может быть, будущие мемуары, он, от силы, мог напечатать одну-две странички. И это раз в несколько дней. Выплеснуть сразу много на бумагу не позволяла тяжесть воспоминаний. Даже после одной-двух страничек приходилось рыться в домашней аптечке, выбирая что-нибудь лёгкое из снотворного. Алкоголь в таких случаях Генрих считал абсолютно неприемлемым средством...

10

Середина 1990-х годов.

Баба Анна пришла к соседке Дусе по каким-то делам и присела на табурет. В проём двери из кухни виден новый японский цветной телевизор. Идёт бразильский сериал. Глаз не отвести. Всё ярко и красочно.

– Проходи, Анна, сейчас кино кончится!

– Кого буду в обутках полы топтать? Мне и отсюда видно. Вон, как браво телевизор кажет.

– Антенну ещё поменяли, – с гордостью пояснила соседка. – Андрейка с поездки пришёл, установил.

– Он у тебя работает машинистом, разбирается в технике, – похвалила соседского внука баба Анна.

– Чем, интересно, закончится серия? Жаль до чего Марианну. Кобель-то еёшний опять загулял. Сменял Марианну на какую-то простигосподи.

– Хороший сериал. Играют прямо, как в жизни. Нашим так не сыграть. Ладно, соседка, пойду я.

– Куда? Сиди, смотри.

– Нет. Пойду. Обедать пора. Деду надо разогреть, – бабе Анне уходить, конечно, не хотелось. Не хотелось отрываться от цветного экрана.

– Сам разогреет. Василий твой неприхотливый. Бывало, не успеешь сварить ему, он и чаем напьётся. Кусочек сала принесёт из кладовки, хлеба сметаной намажет. Тем и обойдётся.

– Что есть, то есть.

– А попробуй моему не сварить по расписанию? Весь изворчится. Это сейчас старый угомонился.

– Ладно. Пойду я, Дуся.

– Что так скоро? И не посидела. Зачем-то ведь заходила?

– Да не помню. Вспомню, приду. А конец серии я знаю. Вчера вечером смотрели с дедом по своему чёрно-белому. Сейчас повторение...

– Я по два раза смотрю. Вечером и потом утром повторе-

ние. Если чего не дослышу, наавтра всё понятнее становится. Тоже мучились с чёрно-белым, пока Андрейка вот новый не подарил.

– Как называется-то? Деду сказать.

– «Самсунг».

– Ага. Слово-то непонятное.

– Японский телевизор, по-японски, поди, так называется.

– Не говори, Дуся, язык сломаешь.

– Молодые-то пишут?

– Пишут.

– Прибавления не обещают?

– Молчат покудова. Это дело нехитрое.

– Давно что-то не проводывали вас.

– Как же давно? А вот на прошлую пасху приезжали!

– Так-то недалеко живут. В одной области. Можно и почаще навещать. Хотя, конечно, у зятя служба, особо не разбежишься.

– Да, дело подчинённое, не гражданская жизнь, – поддакнула Анна, зная, что зять с военной службы ушёл, потому и прошлую пасху приезжали вместе с Юлькой. Но не рассказывать же всё Дусе, и так больно любопытная стала в последнее время. Хотя и раньше такое за ней наблюдалось, но всё равно, любопытства только прибавилось.

– Твой-то чем занимается?

– Кино смотрит про войну.

– Телевизор так и показывает?

– Выбросить бы к шутам...

– А ремонтировать не пробовали?

– Как же? Сколько раз уж мастер смотрел. Знакомый один из райцентра приезжал. Я же тебе, Дуся, рассказывала.

– Ой, вспомнила, Анна. Менял ещё лампы и что-то там паял.

– Меняй-не меняй, своё отработал. Чего уж там мечтать, что после новых ламп будет лучше показывать...

– Новый вам надо бы купить. Они теперь без всяких ламп выпускаются. И срок гарантии магазин даёт.

– Понятное дело, что новый ловчее, так ведь дорогуший...

– У Юльки-то с зятем и попросили бы? – по простоте души посоветовала Дуся.

– Неудобно как-то. Молодые. Самим копейка нужна в городе, – Анна почувствовала, что пора закругляться с разговорами. – Ладно, Дуся, дед, поди, потерял, пойду я...

...Чёрно-белый телевизор «Изумруд» опять забарахлил на самом интересном месте. На экране зарябило. Пропал звук. Василий поднялся со стула, держась за бок, подошёл, слегка постучал ладонью по верхней крышке телевизора. Изображение восстановилось.

К юбилею Сталинградской битвы показывали художественный фильм. Нервировала бесконечная реклама. Кино обрывалось, и с телевизионного экрана суперизвестный телеведущий приглашал россиян хорошо отдохнуть на круизном многозвёздочном теплоходе. Закончив говорить, супер-

популярный телеведущий чмокал в нос холёную псину, которая внимала речь любимца миллионов в течение короткого, но уже осточертевшего до тошноты рекламного ролика. По фильму о Сталинграде у Василия возникло двойное чувство. Вроде, и так всё было на самом деле, как показывают в кино, но оставалось ощущение какой-то недосказанности... Василий понимал, что любой художественный фильм сочинён его создателями – сценаристами и режиссёрами. И никто из них, конечно, на фронте не воевал. А если и воевал, то, наверное, таких совсем немного. Да и как всю правду показать-изобразить на экране? Слишком страшно станет зрителю. И кто такое пропустит? У киношников тоже сверху начальство есть...

– Опять портачит? – в комнату заглянула с кухонным полотенцем в руках баба Анна.

– Опять!

– Может, антенну ветром покосило?

– Это нашу промышленность демократией покосило...

В последнее время многие люди жалуются на ламповые телевизоры...

– Купить бы новый да цветной, – вздохнула она. – Вон у Дуси куда с добром! Андрейка подарил... А как в сериалах всё красиво! Какие костюмы! Природа! – с восторгом отзывалась Анна о преимуществах цветного телевизора перед чёрно-белым. – А цветные телевизоры тоже ламповые?

– Ты, мать, совсем от жизни отстала. Цветные телевизоры

теперь все без ламп работают...

– У Дуси Андрейка и антенну новую установил...

– Андрейка, Андрейка, – ворчливо отозвался Василий, осторожно опять постучав сверху по «Изумруду». Изображение на минуту-две прояснилось, и снова экран зарябило... – Не купили раньше новый да ещё цветной, теперь уже не купить. Накрылись денежки на сберкнижке. Едрит их в корень, этих реформаторов... Попробуй теперь на пенсию накопить на телевизор...

– Юлька обещала как-то, когда приезжали со Славиком. Мол, папке на день рождения привезём.

– Юлька, Юлька, – в том же тоне, как только что отозвался об Андрейке, повторил Василий, но тему дальше решил не продолжать, чтобы лишний раз не расстраивать жену. Про себя же подумал о том, что дочери с зятем – едрит её в корень, их коммерсантскую работу – теперь не до покупок цветных телевизоров. У самих проблем выше крыши с денежной реформой. Складывали-складывали трудовые копейка к копейке на сберегательных книжках. Всё потеряли...

Баба Анна вернулась на кухню домывать после ужина посуду. Василий лёг. Долго не мог заснуть. Смотрел в тёмный потолок. Кино разбередило душу. Полвека прошло, а будто вчера всё было.

...В один из июльских дней 1942 года была проведена разведка в тыл противника: полковая, дивизионная и армей-

ская. Установили, что немцы на этих участках не могут вести наступление. Они основательно «врылись» в землю, построили доты и дзоты, которые с трудом можно разрушить даже прямым попаданием бомбы.

Показания «языков» подтвердили, что на наших участках все боевые части заменены на те, которые были в срочном порядке присланы из Германии, Италии, Румынии, Венгрии, даже из Франции.

В конце августа 1942 года на участке Василия измотанные боями подразделения вывели в тыл на формирование и пополнение. Орудия, пулемёты, установленные на переднем крае, оставили для новой части, которая всё это вооружение приняла в ночное время. Бойцы – сослуживцы Василия – этому обрадовались, оживились скорой передышкой. Всех завезли в лес. Там была организована санобработка, баня, замена белья, обмундирования и обуви. Офицеры скидывали гимнастёрки в горячую воду. Мгновенно всплывали вши. Два дня отпущено на отдых. Командир полка построил личный состав и проверил наличие бойцов и командиров. На другой день он собрал всех офицеров на совещание и сообщил о приказе сформировать дивизию из опытных «стреляных» бойцов и командиров. Надо немедленно выступить на помощь Сталинграду. Там идут тяжёлые бои. На всё про всё десять суток...

Дивизия была сформирована за неделю. Офицеры валились с ног, но делали своё дело. Всем подразделениям дали

новое вооружение: орудия, миномёты, пулемёты, огнемёты и автоматы! Три ночи продолжалась погрузка всей боевой техники. Получили новые 57-мм орудия. Поставлена задача подобрать в каждый расчёт хороших наводчиков, опробовать новое прицельное приспособление. Обучение было недолгим. Основное назначение – стрельба прямой наводкой. Эти новые орудия отличались тем, что у них прямой выстрел был до 400—600 метров, тогда как у 45-мм пушек всего лишь 200—300 метров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.